

Андрей Буторин
Север
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=573345
Метро 2033: Север: [роман]/ Андрей Буторин.: АСТ: Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-070307-4, 978-5-271-31136-9

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

«Север» – удивительная книга, непохожая ни на одну другую в серии «Вселенная Метро 2033». В ней вообще нет метро! Так же, как бункеров, бомбоубежищ, подземелий и сталкеров. Зато есть бескрайняя тундра, есть изломанные радиацией еловые леса и брошенные города-призраки, составленные из панельных коробок. И искрящийся под солнцем снежный наст, и северное сияние во все неизмеримо глубокое тамошнее небо. И, конечно, увлекательная, захватывающая с первых же страниц история!

Содержание

Целый мир	4
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Буторин

Метро 2033: Север

Целый мир

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

В названии нашей серии книг – «Вселенная Метро 2033» – главным является не устойчивое выражение «Метро 2033», а слово «Вселенная»: вместе с авторами романов серии мы задумали создать и описать целый настоящий мир. Мир, каким он будет в 2033 году, если человечество не одумается, не изменится.

«Север» Андрея Буторина – восьмая книга в серии. До нее вышли четыре романа про московское метро и три – про питерское.

А в «Севере» метро нет вообще. Нет бункеров и бомбоубежищ, почти нет никаких подземелий. Зато есть бескрайняя тундра, есть изломанные радиацией еловые леса, и брошенные города-призраки, составленные из панельных коробок, и города уничтоженные. И искрящийся под солнцем снежный наст, и северное сияние во все неизмеримо глубокое тамошнее небо.

У Буторина все – свое. Не такие, как у всех, герои, и не такие, как у всех, чудовища. Непохожие на другие приключения и незнакомые другим людям этого мира страсти. Поэтому мы даже обложку для этого романа решили сделать свою, особенную.

И здорово еще, что вместе с этим романом открылся такой кусок карты постъядерного мира, который раньше оставался затянут туманом неизвестности. И в следующих книгах авторы нашей серии вместе с вами продолжат открывать самые неожиданные места. И города, и выжженные пустоши, и катакомбы, и морские просторы. И Россию, и другие государства.

Потому что «Вселенная Метро 2033» – это не только о метро. Это – целый мир. Мир, который мы вместе с вами придумываем и сообща исследуем – читатели и писатели, россияне и англичане, итальянцы и французы, на разных языках, с разными культурами. Такого ни в фантастике, ни вообще в литературе не делал еще никто.

Мы – первопроходцы. И нас ждут новые приключения!

Дмитрий Глуховский

Ждите новых книг «ВСЕЛЕННОЙ МЕТРО 2033»!

Глава 1

Небесный дух

*Много неясного в странной стране —
Можно запутаться и заблудиться.
Даже мурашки бегут по спине,
Если представить, что может случиться!*

*Вдруг будет пропасть и нужен прыжок?
Струсишь ли сразу? Прыгнешь ли смело?
А? Э-э!.. Так-то, дружок,
В этом-то все и дело.*

В. С. Высоцкий

— Стой! Остановись! — орали ему сзади. Но Нанас гнал оленей вперед — быстрее! Быстрее! Испуганно оглядывался через плечо на своих преследователей и тыкал в оленьи холки костяным набалдашником хорей¹. Однако несчастные животные не могли бежать еще быстрее — они уже совсем вымотались. А у тех, кто гнался за беглецом, олени были полны сил. Они все равно догонят его, и тогда Нанасу конец...

— Стой! Там ничего нет! — долетел до него новый оклик. — Там край мира!

Те, кого Силадан отправил охотиться на парня, уже были так близко, что с ними можно было разговаривать, перекиваясь.

Только Нанас не собирался с ними говорить. Они просто хотят заболтать его, отвлечь, нагнать и прикончить. Чтобы больше никому было не повадно ставить под сомнение слова старейшин...

— Мир там заканчивается! — настойчиво кричали с нарт, которые летели по насту всего в нескольких десятках шагов позади.

Невольно, словно ища защиты, Нанас перевел взгляд на Сейда, своего единственного друга. Пес бежал справа от оленей, вплотную к спарке, будто и сам был впряжен в нарты. Впрочем, в предутренней тьме, едва разбавленной намечавшимся рассветом, он и выглядел почти как олень: стремительный, поджарый, со светлой буровато-серой шерстью; разве что был меньше оленя вдвое, зато куда крупнее самой большой в сыйте² собаки.

Конечно, Нанас ни за что не стал бы перечить могущественным старейшинам и самому Силадану, если бы те не покусались на его верного пса, на единственную близкую парню душу. С тех пор как мать Нанаса умерла, Сейд стал для него роднее любого человека.

Пес, даром что урод, был невероятно умен, и парню казалось даже иногда, что тот буквально слышит его мысли.

Силадан с самого начала отнесся к псу с подозрением. Требовал от Нанаса вышвырнуть «мерзкого кутенка» вон, утопить его в озере, называл «порождением злых духов». А уж кому разбираться в злых духах, как не самому нойду³!

¹ Хорей — тонкий длинный шест для управления оленями. (Здесь и далее — прим. автора)

² Сыйт — хозяйственно-территориальная община саамов.

³ Нойд — саамский жрец, шаман, колдун. Посредник между миром духов и миром людей.

А Нанас знал: его щенок, хоть и урод, не злой вовсе. Кто знает, отчего нойд невзлюбил пса, но дело тут было не в духах. Сейда парень прятал долго, как мог, и старался держать подальше от глаз Силадана. Но недавно не уберег все-таки, и пес, заигравшись, выкатился кубарем прямо под ноги нойду. Тот встретился с Сейдом взглядом, и его от отвращения аж передернуло. Через полчаса двое лучших охотников сыйта ворвались к Нанасу, стреножили его любимого пса и уволокли вон. Сказали, нойд приказал прикончить «одержимую злыми духами тварь».

Нанас бросился за ними, но тут же получил такой удар, что дальше смог только ползти. Он и полз, оставляя за собой багряные капли на утоптанном снегу, потом поднялся на ноги и снова побежал...

Силадан велел продержат Сейда в сарае до завтра, а наутро созвать всех жителей сыйта и при них собаку сжечь, потому что иначе духи никак из нее не выйдут. Значит, у парня и у его пса была еще одна ночь. Мешкать было нельзя...

– Не уйдешь все равно! Стой! – кричали с нарт сзади.

В полушаге от головы с глухим звуком рассек воздух дротик и вонзился в ствол корявой ели. Нанас пригнулся и ударил оленя хореем по холке. Тут вмешался Сейд – догадавшись, что хочет его хозяин, он грозно рыкнул на оленей и куснул ближнего в меховой бок. Олени сразу прибавили ходу.

...Пленного пса нойд приказал привязать у себя на дворе, и тот так и остался лежать, стреноженный, избитый, несчастный, в окровавленном снегу. Пока солнце не село, Нанас подобраться к веже⁴ Силадана не решался. Но как только сгустилась тьма, он прокрался туда, чтобы освободить Сейда – или самому быть убитым вместе с ним.

И так получилось, что как раз тогда он и подслушал случайно, о чем говорил Силадан со старейшиной Ароданом. А уж подслушав такое, право на жизнь он потерял точно...

Нарты преследователей – одни, другие, третьи – все же нагоняли его. Собачьего укуса оленям хватило ненадолго, потом они снова стали выдыхаться. Олени были слабоваты, не то что у его преследователей. Но ничего, каких украл, таких украл, спасибо и на том, что досюда его довели и что на несколько часов продлили жизнь.

Среди преследователей не было ни старейшин, ни нойда Силадана. К чему? Они просто отправили за беглецом убийц, снарядили лучших молодых охотников. Те притащат тела парня и его пса назад привязанными к нартам за ноги. И никому не повадно будет после этого сомневаться в словах могущественного нойда.

Все будут знать, что мира за пределами, очерченными Силаданом, нет.

А может, он там и вправду заканчивается, а начинается, как и говорил Нойд, морок... Но уж лучше туда, в морок, к духам, чем назад в сыйт – неважно, мертвым или живым. Хотя мертвым-то, пожалуй, получше...

– Отдай хоть псину свою! – заорали ему сзади. – Тебя нойд разрешил бросить, сам загнешься! А пса велел дохлым вернуть!

Нанас кинул взгляд на мчащегося подле оленей Сейда. За что старейшина может так ненавидеть несчастную собаку? Ну, урод, ну, не такой как все, но...

«Не волнуйся, друг! – мысленно успокоил он пса. – Я тебя никому не отдам!»

Рассветало быстро. Теперь хорошо было видно, что позади трех ближних нарт скользили еще одни и еще...

«И это все ради Сейда?.. – поразился Нанас. – Пусть. Все равно ничего у них не выйдет. Мы лучше сдохнем с ним вместе!» Так оно и будет, подумал он тут же.

И тут с неба послышался гул.

⁴ Вежа – примитивное саамское жилище.

А следом за ним сзади понеслись испуганные, изумленные возгласы преследователей. Нанас резко обернулся – охотничьи нарты отставали, останавливались. Одни даже перевернулись и закувыркались по снегу вместе с сидевшим в них парнем.

Стремительно уменьшающиеся фигурки тыкали пальцами куда-то вперед. Похоже, Нанас был единственным, кто все еще ничего не видел.

Шум был похож на далекие раскаты грома, и он действительно шел с неба.

Но зимой грозы не бывает, да и звучал этот гром непрерывно. И, что не понравилось беглецу больше всего, он стремительно приближался. Видимо, все, обреченно подумал Нанас. Вот и добрался он до края мира. Значит, прав был-таки Силадан, а он, глупый мальчишка, возомнивший себя невесть кем, получит сейчас за непокорность сполна. Вот-вот расколется небо, развеется кажущийся обычным лесом морок, и он, вместе с псом и оленями, рухнет в бездонную пропасть. И поделом. Жаль только ни в чем не повинных оленей и Сейда.

Зато его преследователи сразу поняли: дальше нельзя...

Делать что-то было все равно уже поздно. Гул превратился в оглушительный воющий грохот. Нанас, не сбавляя ходу, зажал рукавицами уши и перепуганно глянул на небо.

И как раз в это мгновение из-под низких облаков вынырнула темная молния. Нет, не молния. Это была... птица. Огромная серая птица! Ее странная острая голова блестела так, словно была ледяной, голые, узкие крылья не шевелились, а совершенно нелепый, торчащий кверху хвост пожирало яркое, густо чадающее пламя. За хвостом тянулась к облакам широкая полоса черного дыма. Казалось, птица рухнет прямо на него.

Только Нанас уже был уверен, что никакая это не птица. Это небесный дух покинул Верхний мир, чтобы лично покарать ослушника! Теперь его преследователям не нужно будет даже марать руки – Силадан отправил одну из могущественных бесплотных сущностей на охоту.

Олени тоже увидели диковинное создание, сбились с шага...

Ему очень хотелось зажмуриться, упасть, зарыться в снег, чтобы не видеть и не слышать того, что произойдет дальше. Но тело перестало ему подчиняться, точно небесный дух уже превратил его в каменный сейд⁵. Не закрывались и веки, будто пришитые к бровям прочными оленьими жилами, а руки по-прежнему были прижаты к ушам. Но даже в закрытых ушах, казалось, что-то болезненно лопнуло, погрузив все вокруг в звенящую тишину, когда объятая пламенем «птица», не долетев чуть-чуть до него, обрушилась в лес. Прыгнула под ногами земля, с елей сорвались и рассыпались сверкающей пылью снежные шапки, а над вершинами деревьев взметнулся к самому небу огненный вихрь, словно небесный дух передумал и решил вернуться в свой Верхний мир уже в новом облике. Почти одновременно с этим кто-то невидимый упруго, сильно толкнул Нанаса в грудь, и он, слетев с нарт, повалился навзничь, ожидая, что под спиной уже не окажется опоры, что падать ему теперь если не бесконечно, то все равно очень долго, до самого Нижнего мира.

Но рухнул он все-таки в снег, а поскольку глаза его все еще были широко распахнуты, сразу увидел сверху кого-то похожего на человека. Тот падал с неба! Точно оттуда, где только что летела «птица», и новая догадка сразу пришла в голову Нанасу... Небесным духом была вовсе не «птица». Небесный дух – тот, кто летел сейчас к земле! А то, что, превратившись в столб дыма и пламени, оглушило Нанаса, было всего лишь санями духа, его огненными нартами.

Конечно же, тот, кто падал с неба, никак не мог быть человеком. Хотя бы уже потому, что люди не летают по небу. А еще потому, что у людей нет хвоста, да еще такого длиннющего! К тому же, этот хвост вдруг раскинулся над падающим духом большой белой шкурой,

⁵ Сейды – священные камни саамов.

а что было дальше, Нанас уже не увидел, потому что хвостатого духа от него закрыли деревья.

Первой мыслью было: «Вскочить и бежать!»

Нужно очень быстро бежать, пока небесный дух его не видит! Нанас заворочался в сугробе, пытаясь подняться, а когда ему это удалось, он понял, что снова хочет свалить дурака. Куда он собрался бежать? И, самое главное, от кого? От того, кто, подобно молнии, умеет летать по небу?..

Если бы Нанасу не было так болезненно, до тошноты, страшно, он бы расхохотался. Уметь смеяться над собой – это удел сильных, как говорила мама. Но он не был сильным. У него тряслись от ужаса руки и ноги, клацали зубы, и, кажется, даже мех внутри штанов стал мокрым. Если бы сейчас из кустов выпрыгнул заяц, то сердце, наверное, не выдержало бы и лопнуло. Такое жалкое ничтожество, как он, и впрямь было лишь обузой для сыйта. Ни одна самая некрасивая девушка не согласится стать женой болтливового недоумка с мокрыми штанами. Ни один рыбак или охотник не возьмет в напарники трусливого гордеца, воруящего оленей. Ни одна собака...

Тем временем его преследователи, вроде бы, тоже заколебались. Нагонять ли бунтаря, следуя велению нойда, или броситься со всех ног домой, пока спускающийся на землю грозный небесный мститель не добрался и до них?..

Тут Нанас почувствовал, как кто-то дернул его сзади за подол малицы⁶. Взвизгнув так, что вмиг разложило уши, парень подпрыгнул и, обернувшись, наткнулся на вопросительный взгляд Сейда. А затем пес опять ухватился зубами за низ малицы и, пятясь задом, потянул его в ту сторону, куда упал небесный дух.

От удивления Нанас даже забыл о страхе. Сейд никогда раньше не совершал глупых поступков. Или на собачий рассудок тоже повлиял вид грохочущей огненной птицы?

Будто услышав его мысли, пес обиженно рыкнул, но зубов при этом не разжал, продолжая тянуть хозяина к деревьям, за которыми скрылся дух. Что ж, подумал Нанас, большеголовый друг как всегда прав: зачем оттягивать неизбежное? Может, если он не станет сопротивляться, дух убьет его быстро, не доставляя мучений. Правда, совсем непонятно, зачем тому было тратить столько времени и сил, чтобы всего лишь убить маленького никчемного человечка? Разве не мог он это сделать, не спускаясь с неба? Или тогда уж обрушил бы на его голову свои летающие нарты!..

А ведь если так, если дух не собирался немедленно убивать Нанаса, можно было попытаться вымолить у него спасение! Кажется, преследователи боялись небесного мстителя еще сильнее, чем беглец. Значит, единственный способ отсрочить верную гибель от охотничьего дротика – со всех сил броситься к месту, куда упал дух!

Может быть, тот благословит его, простит, позволит вернуться? Или даже станет его покровителем, сделает избранным?!

Нанас поморщился и скрипнул зубами. Снова в нем играет гордыня! Опять он считает себя умнее всех, замахнувшись теперь и на духов. Ему ли судить о помыслах высших сил? Ему ли в чем-то теперь сомневаться, на что-то надеяться, после того, как ему показали, насколько он жалок перед могуществом их обладателей? И если небесный дух над ним все-таки смиростивится, если оставит в дар его никчемную жизнь, нужно нестись, мчаться обратно в сыйт, пасть на колени перед мудрейшим нойдом, покаяться в своих глупых заблуждениях и мерзких грехах, а потом вернуть эту жизнь справедливому Силадану.

Сейд опять зарычал, теперь уже с раздражением, и дернул за малицу так, что Нанас чуть снова не повалился в сугроб.

⁶ Малица – зимняя одежда северных народов, сшитая из оленьих шкур мехом внутрь, с капюшоном. Саамы переняли этот вид одежды у коми-ижемцев и ненцев в конце XIX века.

– Ну-ну, легохонько! – буркнул он псу. – Иду уже, иду.

Сейд, удовлетворившись ответом, разжал наконец зубы и, словно громадный заяц, поскакал вперед. Вздохнув и затолкав под капюшон растрепавшиеся волосы, Нанас побрел за ним следом. Проходя мимо прижавшихся друг к другу оленей, он увидел, что оба быка дрожат, как новорожденные телята. «Не одному мне страшно», – подумал Нанас, тут же устыдившись этой мысли. Если еще сравнить себя с куропаткой, или, например, с мышью, так он вообще герой!

Спешившиеся преследователи, завидев, что беглец бросил оленей и лезет прямо в объятия к небесному чудовищу, стушевались. Помявшись и перебросившись неслышными на таком расстоянии словами, они расселись по нартам, повернули и медленно двинулись назад, к сыйту. Без помощи нойда, без его умения договариваться с духами, вступать в небесные помыслы и встречаться с существами из Верхнего мира они не отважились.

Только Нанасу было нечего терять.

Он набрался храбрости и прибавил шагу. Но едва подошел к деревьям, скрывающим небесного духа, как ноги опять стали неподъемно тяжелыми, а колени мелко-мелко затряслись, будто это были две маленькие головы, беззвучно причитающие: «Нет-нет-нет-нет!..»

– Да! – рывкнул на них Нанас и сделал два широченных шага. Мог бы сделать и третий, но тот оказался бы лишним – дух и так теперь был отлично виден. Он лежал возле невысокой сосны, с вершины которой свисала огромная белая шкура. От нее к духу тянулись длинные веревки, на которые, видно, пошли жилы не одного десятка оленей. Да и чтобы сшить такую шкуру, оленей надо освежевать много-много. Причем не простых, а снежно-белых, очень редких. Хотя каких же еще могучему духу держать в своем стаде? Нанас и дальше бы продолжал рассматривать шкуру, подсчитывая загубленные олени жизни, поскольку перевести взгляд на самого духа ему было не под силу, но тут уж Сейд даже не зарычал, а отрывисто гавкнул. Это значило, что терпение пса на исходе. Нанас сначала посмотрел на него, а потом медленно перевел взгляд пониже. Сейд восседал совсем рядом с духом, и первой мыслью человека было, что они чем-то очень похожи. Мысль показалась ему нелепой, но уже через пару мгновений он осознал, чем именно она была вызвана. От этого осознания ноги его наконец не выдержали, колени подогнулись, и юноша медленно осел в снег. У Сейда и небесного духа были одинаково большие, белые, круглые головы! Пес все-таки рассердился. За два-три прыжка он добрался до Нанаса, от души его облаял, ухватил зубами за рукав и потащил к лежащему духу почти волоком, не дав подняться на ноги; Нанас лишь едва успевал двигать коленями, да и то не всегда. Сейд отпустил его возле самого духа, и он растянулся в снегу рядышком, невольно заметив, что дух выше, или теперь уже правильней – длиннее его, пожалуй, на четверть. Одет он был тоже не по-человечески, что, в общем-то, и понятно. Непонятно лишь, что за зверь пожертвовал шкурой для этой одежды. Она даже на вид казалась очень мягкой и гладкой, но это можно было объяснить хорошей работой скорняков. Но разве водятся в этом мире такие пятнистые, зелено-желто-коричневые звери? Хотя, почему они должны водиться тут, если дух прилетел из Верхнего мира! Нанас продолжал рассматривать неведомую шкуру и занимать себя подобными пустыми мыслями, лишь бы только не смотреть на круглую белую голову, лишь бы не увидеть кошмарное лицо духа, точнее, то, что имелось там вместо него. Ведь когда он увидел эту голову в первый раз, пусть и мельком, пусть издали, ему хватило и этих нескольких мгновений, чтобы понять: лица у духа не было.

Зато рот у него, видимо, все же имелся, потому что дух внезапно спросил, тихо, едва слышно:

– Кто ты?..

Нанас вскочил на колени и дернулся в сторону, однако Сейд был начеку и предупреждающе гавкнул. Пес вел себя загадочно... Казалось, он хочет выслужиться перед духом, позабыв, кто на самом деле его хозяин. Но ведь могло быть и так, что Сейд и сам имеет

какое-то отношение к Верхнему миру. Недаром у них с духом похожие головы, да и умен пес вовсе не по-собачьи. Где же умудрилась так погулять Веха? И еще интереснее – с кем?

Нанас поймал себя на том, что опять забивает голову глупостями, уводит мысли от страшного и непонятного. Плохая, очень плохая привычка! Непонятное не станет ясней, если от него убегать. Да и страшное кажется страшным чаще всего из-за своей непонятности. А ведь вопрос-то дух задал вполне обычный, на понятном человеческом языке. И на вопрос этот, между прочим, он ждет ответа.

И Нанас, шумно вобрав в легкие колючий морозный воздух, выдохнул:

– Я человек. Нанас.

Дух шевельнулся. Рука в черной пятипалой рукавице судорожно загребла в пригоршню снег, но пальцы сразу разжались.

– Помоги... сесть... – проговорил дух. Слова давались ему с трудом, видимо, путь из Верхнего мира в Средний отнял все его силы. Но разве такое могло быть? Разве духи устают, будто простые смертные? Или он просто играет с Нанасом, проверяет, на что тот пригоден? По крайней мере, убивать он его, похоже, не собирается. Во всяком случае, сразу.

Это придало юноше чуточку смелости, и он решил подыграть духу. Он будет делать все, что тот прикажет. Тем более, что не подчиниться всемогущей высшей силе куда как страшней.

Нанас все так же, на коленях, подполз к небесному духу вплотную. Стараясь не смотреть на жуткую голову, он просунул руки под спину в пятнистой малице и потянул вверх. Дух оказался на редкость тяжелым.

– Сейд! – позвал Нанас. – Помогай!

И то сказать, как рычать и гавкать на хозяина – так он горазд, а как доходит до дела... Однако пес все же помог, и помог очень здорово. Он осторожно, чтобы не прикусить руку, сжал челюсти на правом рукаве выше локтя и, пятась, довольно легко приподнял плечи духа, а потом уже Нанас, подхватившись удобней, посадил того в снег.

– Нет, так он снова упадет, – не убирая рук, сказал Нанас. – Давай его к дереву подтянем.

Пес сразу понял, что хочет хозяин. Вдвоем они подтащили духа к сосне, с которой свисала белая шкура, и прислонили спиной к стволу. Пока они волокли тяжеленное тело, дух пытался им помогать руками, хотя от этой помощи и не было толку, а вот ноги его не шевелились вовсе, словно пятнистые штаны, набив чем-то для видимости, просто пришили к малице. Если бы это был не дух, а человек, Нанас решил бы, что у него сломан хребет, – такое случилось как-то с его одногодкой Тарином, которого замял на охоте медведь. Но дух человеком не был, значит, он продолжал свою непонятную игру. Ладно, пусть, пока не очень-то и трудно подыгрывать.

Куда трудней было преодолеть страх и посмотреть-таки на голову духа. Ведь если все время отводить взгляд и коситься в сторону, тому это может не понравиться. И Нанас, заранее, чтобы не завопить, зажав рот рукавицей, глянул туда, где должно быть лицо духа.

И вскрикнул все же, хоть и неслышно. Но не от испуга, а от изумления. Лицо у духа все-таки было. По крайней мере, имелись подбородок и рот. А то, что могло быть выше, закрывало нечто черное. Оно оказалось настолько гладким, что Нанас увидел там свое отражение.

Дух попытался поднять руку, но едва донес ее до груди, как она снова безвольно упала. Застонав – непонятно, от досады или от боли, он попросил:

– Подними щиток.

Нанас принялся оглядываться в поисках неведомого щитка. Но на снегу, кроме самого Нанаса, духа и сосны, ничего не было. Правда, на духе было надето много ремней, от которых и тянулись те самые веревки, что ранее Нанас принял за хвост. Может быть, про это и говорит небесный дух?

Нанас подобрал одну из веревок и протянул духу. Тот вздохнул и помотал головой. Затем, скрипнув зубами, опять стал поднимать руку. На сей раз ему это удалось. А потом он убрал с лица черную блестящую заслонку, которая, оказывается, скрывала его настоящее лицо.

Нанас невольно зажмурился, ожидая увидеть вместо глаз горящие угли, но, когда поднял веки, встретился взглядом с обычными человеческими глазами, того же синего цвета, что и у него самого. Да и все лицо небесного духа оказалось совершенно обычным, разве что было очень белым, почти как его круглая голова. Впрочем, теперь уже Нанас видел, что белой и круглой была не сама голова, а надетая на нее странная шапка. Черный же блестящий «щиток» оказался теперь на ней сверху.

Рука духа снова упала в снег.

– Пить... – прозвучал слабый голос. – Дай воды...

– Сейчас! – закивал Нанас. – Сейчас принесу.

Увязая в сугробах, он ринулся к оставленным нартам. Достал из мешка со снедью баклажку с брусничным морсом и, не завязав горловину, бросился назад. Но возле испуганных оленей все же остановился и потрепал их пышные загривки:

– Ничего, не бойтесь. Небесный дух пока не просит вас в жертву.

Приободренные лаской хозяина и его уверенным голосом, быки не обратили внимания на тревожное «пока» и потянулись мордами к снегу, пытаясь найти под ним ягель.

А Нанас побежал дальше и вскоре уже протягивал духу баклажку. Но тот покачал головой и, приоткрыв губы, дал понять, чтобы парень напоил его сам.

Пил дух долго и жадно. Морс струйками стекал по его подбородку, собираясь алыми бусинами в густой серебристой щетине. Таких «колючих» людей Нанас раньше не видел, у его соплеменников если что-то и росло на лице, то совсем редко и жиденько. Впрочем, он тут же поправил себя, что перед ним вовсе не человек, а какой принимать облик – решать самому духу, и почему именно такой, знает тоже лишь он один.

Напившись, дух долго и тяжело отдувался. Он явно почувствовал себя лучше. Даже лицо его чуточку порозовело, словно вобрало в себя сок брусники.

– Спасибо, – проговорил он, когда отдышался. Голос тоже стал теперь иным и хоть звучал по-прежнему тихо, в нем слышались уверенность и сила. Высшая сила, напомнил себе Нанас и ответил, покорно склонившись:

– Пожалуйста.

– Чего ты кланяешься? – поморщился заоблачный пришелец. – Кто я такой, по-твоему?

– Небесный дух, – честно ответил Нанас.

Пусть могущественное существо притворяется сколько хочет, но надо дать ему понять, что его уловки не сработали. Небесный дух вдруг задергался и стал глухо кашлять, хотя этот кашель подозрительно напомнил Нанасу смех. Если даже и так, подумал он, ничего – пусть посмеется. Добрее будет.

Но добрее дух не стал. Похоже, этот смех или кашель причинил ему боль – лицо вновь побелело, а на лбу выступил пот.

– Не дотянул... – прошептал дух, закрывая глаза. – Один двигатель... не успел... до ума... – Голос звучал все тише, а слова потеряли какой-либо смысл. Но дух внезапно распахнул глаза и впился жадным взором в Нанаса. Голос вновь наполнился силой: – Озеро! Я видел озеро. Что это – Умбозеро, Ловозеро, Имандра?

– Луявр.

– Луявр? Ах да, это Ловозеро по-саамски... Ты саам?

Нанас удивился вопросу. Разве на земле, здесь, в Среднем мире, живет еще кто-нибудь кроме саамов? Вслух он это говорить не стал и лишь коротко кивнул.

– Вас много? Где остальные, далеко отсюда?

– Три сотни без малого, – ответил Нанас. – Далеко, там, – махнул он рукавицей, – возле Сейдозера.

– А ты что здесь делаешь? Выгнали? Не любят рыжих? – Губы духа прорезала слабая улыбка, но сразу исчезла. – Ладно, мне это без разницы. У меня к тебе дело... просьба... – Его голос снова сорвался, дух закашлялся теперь уже по-настоящему, а потом захрипел, с натугой выдавливая из горла слова: – Надежда, Наденька... Она в беде... Пожалуйста!.. Спаси ее! Выручи... У тебя олени... сани... Надя в Видяеве... далеко, но можно... Нет, это нужно, очень нужно!.. – Дух внезапно замолк и о чем-то задумался. С его лба по переносице скатилась на щеку струйка пота, похожая теперь на слезу. А потом он пристально посмотрел в глаза Нанасу и заговорил совсем по-иному, чем раньше.

– Ты говоришь, что я небесный дух? Да, это так.

«Вот и кончилось твое притворство», – невольно подумалось Нанасу. И он вновь склонил голову. Непослушные волосы выбились из-под капюшона и закачались перед лицом длинными оранжевыми сосульками.

– Так вот, – продолжил дух грозным повелительным тоном, – я приказываю тебе выполнить мою высшую волю. Иначе, сам понимаешь...

Нанас понимал. Он ничего не ответил, лишь опустил голову еще ниже.

– Вижу, понял. Молодец. Твоя задача – добраться до базы Северного флота Видяево и отыскать там девушку. Ее зовут Надя, Надежда Будина. Так вот, девушку нужно найти и доставить в Полярные Зори. Понял?

Нанас почувствовал, как у него противно заурчало в животе, а к горлу опять подкатил ком тошноты. Колени вновь вспомнили о своем «нет-нет-нет», и он, вторя им, тоже сказал:

– Нет... Я не знаю, кто такой флот и что такое база. И Видяево... И как можно человеку попасть в зори? Они же на небе...

Небесный дух закрыл глаза и глухо простонал. Затем, не поднимая век, будто ему было тошно видеть стоявшего перед собой недотепу, сказал:

– На правой штанине карман. Достань карту.

Что такое карта, Нанас, конечно, тоже не знал. Но он понадеялся, что в кармане у духа не окажется слишком много вещей. Проблема, впрочем, оказалась уже в том, что он не сумел обнаружить кармана. Дух это быстро понял.

– Там молния, видишь? – буркнул он раздраженно. – Тяни за собачку.

Нанас отпрянул от духа и с опаской уставился в небо. Немного подождав, но так и не увидев молний, он неуверенно обернулся к Сейду:

– Сейд, подойди...

Пес неохотно приблизился к хозяину.

– Зачем ты позвал собаку? – спросил дух.

– Тянуть, – обнадежил его Нанас. – Ты же просил...

Небесный дух опять застонал. А потом, морщась, с трудом поднял руку, зажал зубами кончик рукавицы и стянул ее с ладони. Рука у него тоже оказалась вполне человеческой, с красивыми длинными пальцами. И, как оказалось, чрезвычайно сильными, поскольку, поднеся их к загадочному блестящему шву, тянущемуся поперек бедра, он провел по нему, и тот, взвизгнув, точно от боли, распался.

– Доставай, – приказал дух.

Затрясшись от вновь накатившего ужаса, Нанас тоже снял рукавицу и, боясь прикоснуться к поблескивающим по краям бывшего шва зубчикам, сунул пальцы в зиявшую на штанине темную пасть. Там он нащупал что-то гладкое и плоское и вытянул на свет нечто похожее на ровный кусок тонкой кожи, обернутый, как ему показалось, в рыбий пузырь. Очень большой пузырь, от очень большой рыбыны.

– Доставай, – опять сказал дух.

– Я достал, – показал ему «кожу» Нанас.

– Вынь оттуда карту и разверни.

Нанас догадался, что от него требует дух. «Картой», по-видимому, и был тот самый кусок кожи, а вынуть его следовало из прозрачного рыбьего пузыря. Он справился с этим быстро. И даже сумел развернуть кожу, как велел ему дух, – та была сложена три раза вдоль и пять раз поперек. Кожа оказалась непрочной; разворачивая, он слегка надорвал ее в одном месте.

– Осторожней! – прикрикнул дух.

– Ага, – сказал Нанас. – Я легохонько.

– Расстели у меня на коленях.

Нанас разложил на ногах духа «карту».

– Не вдоль, поперек.

Нанас исправил оплошность.

– Не вверх же ногами! Переверни.

Нанас сделал и это. Теперь вместо испачканной чем-то зеленым, синим и желто-коричневым стороны, кожа смотрела на них чистой белой изнанкой. Довольный Нанас широко улыбнулся.

– Ты что, идиот? – спросил небесный дух.

Нанас недоуменно заморгал.

– Ты когда-нибудь вообще видел карты? – поинтересовался дух.

Немного подумав, чтобы опять не сморозить глупость, Нанас кивнул:

– Видел. Только что.

– Послушай, сынок, а ты хоть читать-то умеешь?

Нанас смутился и опустил глаза.

– Мама учила меня... В детстве. Какие-то буквы я помню... «Ны», «а», «сы»... «Мы» тоже помню...

– Мы, сы!.. – помотал головой дух. – И что мне теперь с тобой делать?

– Не знаю... – Нанас испугался, что теперь, убедившись в его бесполезности, дух его точно убьет. – Зато я считаю хорошо! До десять сто как-то раз досчитал. И еще дальше могу. Хочешь?

– Не хочу. Считать нам пока нечего. Из двух голов одна пустая, а другую в расчет уже можно не брать.

Коротко твякнул Сейд.

– Ах да, – улыбнулся псу дух. – Простите, сударь. Три. Из них полноценная – только ваша. Кстати, почему у него такая большая голова? – Его синие глаза вновь смотрели на Нанаса.

– Не знаю, – с обидой в голосе ответил Нанас. – Веха где-то нагуляла. А считаю я хорошо, потому что от этого есть польза. Когда пасешь оленей, надо уметь считать; когда делишь добычу, надо уметь считать; когда говоришь, сколько шагов или полетов стрелы до какого-то места, – тоже надо уметь считать. А зачем уметь читать буквы? Олени и звери буквами не пишут. Вот следы их я читать умею. Не очень пока хорошо, но все-таки.

– Ладно, ладно, – смутился теперь и дух, – проехали. Извини. Переворачивай карту, попробую объяснить на пальцах.

Нанас в очередной раз переложил «кожу». На этот раз заоблачный пришелец остался доволен. Кривя от боли лицо, он перенес руку на карту и уперся пальцем в продолговатое голубое пятно.

– Смотри, – сказал дух, – это Ловозеро. Или как там вы его называете, Луярв?

– Луярв, – поправил Нанас, впившись взглядом в карту. Кажется, он начал что-то понимать. Вспомнив очертания берегов озера, он прикинул, что так оно, пожалуй, и впрямь

выглядело бы с высоты. С очень большой высоты. Так значит, дух нарисовал все это, глядя на землю с неба? Ну да, как же иначе! Как же все это было интересно!.. Но тогда получается... Тогда, судя по этому рисунку земли, мир существует и куда дальше этих краев. Ого-го как дальше!

Небесный дух понял долгое молчание Нанаса по-своему. Упавшим голосом он произнес:

– Непонятно, значит...

– Почему? Понятно. Мы сейчас здесь, – ткнул Нанас пальцем рядом с голубым пятном.

– Почему ты так думаешь? – воодушевился дух.

– А вот, – показал Нанас, – я тут проезжал. Вот острова, вот в озеро впадает речка – тут я как раз повернул к берегу. Значит, мы сейчас где-то здесь, – вновь ткнул он пальцем в карту.

– А ты, парень, не дурак, – уважительно посмотрел на него дух. – Насчет «идиота» беру свои слова обратно. Еще раз извини.

Нанасу стало настолько приятно, что он не сдержался и расплылся в улыбке. Ему сразу захотелось рассказать духу, что он еще очень метко стреляет из лука и хорошо помнит все, что когда-либо видел и слышал. Но выставлять себя хвастуном было не очень красиво, и он все же нашел в себе силы промолчать на сей счет. Зато задал очень мучающий его вопрос:

– Так значит, земля не кончается здесь?

– Конечно нет, – заморгал дух. – Земля огромная. На эту карту поместился лишь ее маленький кусочек – Кольский полуостров. С чего ты взял, что земля тут должна кончиться?

– Силадан сказал. Наш нойд. Он говорит, что вы, духи, уничтожили всю землю вокруг Сейдозера и Луявра.

Дух почему-то задумался. Наконец неуверенно произнес:

– Видишь ли... э-э... Нанас... Мы не то чтобы совсем... уничтожили землю, но сделали ее в большинстве мест малопригодной, а то и опасной для жизни. Об этом я тоже скажу, но позже... Получается, что ваш... нойд... Не так уж он и не прав. Только пригодных к жизни мест – не одно ваше Сейдозеро, их несколько больше. И живете на земле не вы одни.

Нанас опешил. Мама, втайне от старейшин и нойда, рассказывала ему иногда, что раньше на земле жило очень много людей. Но чтобы другие люди жили где-то еще и сейчас, в это было просто невозможно поверить! С другой стороны, есть же та девушка, за которой посылает его дух... Хотя, если за ней посылает дух, то вряд ли она простой человек, если человек вообще.

Между тем дух сказал:

– Скоро ты все увидишь сам. А сейчас нам надо поторопиться; кажется, мне недолго осталось...

Что именно недолго осталось вечному духу, Нанас не понял, но тот уже перевел разговор на другое.

– Смотри, – показал он на тонкую длинную ниточку, тянущуюся неподалеку от того места, где они были, – вот здесь, от села Ловозеро начинается дорога. Сейчас она, конечно, заброшена и заметена снегом, но ехать по ней все-таки лучше, чем продираться по лесу. К тому же, дорога – твой ориентир. – Увидев, что Нанас не понял новое для него слово, дух пояснил: – Ориентир – это то, что помогает не сбиться с пути. Держись этой дороги, и ты приедешь сюда, – ткнул он пальцем в место на карте, где ниточка упиралась в более толстую нить. – Это будет трасса Санкт-Петербург – Мурманск... В общем, это тоже будет дорога, но более широкая, и ты по ней поедешь сюда, – повел дух пальцем направо. – Не знаю, сохранились ли там где-то знаки, но, если увидишь большие синие листы на столбах, смотри, где написано вот это слово. – Дух показал почти в самый верх карты, где виднелись восемь черных букв. Первая из них была знакомой – «м». Она встречалась в слове еще один раз; также там были и знакомые Нанасу «а» и «с». В любом случае, он хорошо запомнил это слово и,

даже не зная остальных букв, узнал бы его теперь где угодно. – Это слово – «Мурманск», – набравшись сил, продолжал дух. – Так назывался город, которого больше нет. Но он тебе и не нужен, просто тебе поначалу нужно будет двигаться в его сторону. А вот здесь, – показал дух на отходящую влево, почти возле самого Мурманска, новую ниточку, – будет поворот в сторону Видяево. Если увидишь там указатели, ищи на них слова «Кола», «Никель», «Заполярный», «Киркенес»... Ах да!.. – Дух вспомнил, что Нанас не умеет читать, и показал эти надписи на карте. Нанас их прилежно запомнил, а небесный дух пояснил: – Сначала будет город Кола, почти сразу, как отвернешь... Не знаю, уцелело ли там что-то, но нам это без разницы. Тебе нужно будет двигать дальше. Правда, дальше – Кольский залив, точнее, там река Тулома, она впадает возле Колы, и если мост через нее разрушен, тебе придется сделать большой крюк, – провел он ногтем вдоль широкой и длинной голубой закорючины, – чтобы опять вернуться на дорогу, уже с той стороны залива. Ну а дальше – вот оно, Видяево. – Небесный дух ткнул почти в самый верх карты, где зеленый, желтый и коричневый цвета заканчивались и начинался сплошной синий. – Это тоже озеро? – удивился, показав туда, Нанас. – Это уже море, сынок. Баренцево море. Но ты его не увидишь, возле Видяева лишь узкие заливы. Да тебе и некогда будет любоваться, не для того едешь. Заберешь Надю – и сразу назад, там задерживаться опасно. Тем же путем до Оленегорска; это там, где ты повернешь, когда поедешь отсюда. Только на обратном пути здесь никуда сворачивать не нужно, поедешь прямо по петербургской трассе вот сюда, – провел дух пальцем вдоль толстой нити и остановил его возле надписи из двух слов. – Это и есть Полярные Зори. – А что они такое, эти зори? – спросил Нанас, отбросив с глаз волосы. – Это рай, – задумчиво улыбнулся дух. – В этом мире город Полярные Зори – настоящий рай, сынок. Он-то и станет тебе наградой в конце пути.

Глава 2

За краем мира

Хрустел под копытами оленей крепкий наст, шелестели по снегу полозья. Других звуков в этом мире не было. А если Силадан говорил правду, то и самого мира дальше быть не должно, хоть дух и утверждал обратное. Кто из них главнее?

Нанас зябко поежился, хотя мороз не мог пробраться сквозь толстую кожу и мех теплой малицы. Белизна озера, на которое он снова вернулся, тускнела впереди и сливалась с бледной серостью неба. Хорошо, если просто неба. А вдруг... Дальше додумывать не хотелось. Нанас снова поежился. Он вернулся в мыслях к событиям прошедшей, такой долгой ночи. И к тому, как крался к веже Силадана, чтобы освободить своего пса, и как лежал в сугробе, подслушивая, о чем нойд говорит со старейшиной Ароданом, и как, сжимая руками пасть Сейда, чтобы тот не затыкался, тащил его к оленям...

Кто знал, что небесным духам вздумается поиграть сполохами как раз в то время, когда он будет красть оленей! Северное сияние развернулось на полнеба, осветив селение от края до края. В другой раз юноша этому только порадовался бы – посмотреть на переливчатые цветные перья он мог, не отрываясь, очень долго. Но в эту ночь духи будто посмеялись над ним. А может, и впрямь посмеялись? Или... Горло враз пересохло, и Нанас невольно сглотнул. – Или они не смеялись, а предупреждали его? Может, духи не хотели, чтобы он убежал из сыйта? Но почему? Разве умереть – лучше? Ему лишь немногим более двадцати, знакомиться с Нижним миром пока совсем нет желания. Хотя духи у людей желаний не спрашивают. А вот за неисполнение своих наказывают строго. Перечить Силадану – все равно что ослушаться духов. Ведь кто такой нойд? Тот, кто стоит между духами и людьми и может говорить с теми и другими.

Нанас тряхнул головой. Нет, о Силадане лучше не думать. Теперь уж ничего не вернуть, назад пути точно нет. А если его не окажется и впереди – что ж, дорога в Нижний мир всегда открыта.

Саам легонько похлопал костяным набалдашником хорея по холкам оленей. Нет, нельзя ему думать о Нижнем мире, коли из Верхнего к нему спустился небесный дух, спас его от погони, отогнал преследователей и дал важное поручение!

А все ведь из-за Сейда началось...

Два года назад, как раз перед маминой смертью, Сейда принесла Веха, охотничья лайка Нанаса. Собака пропала в начале лета; думалось, навсегда, но ближе к осени вернулась, ободранная, исхудавшая и брюхатая. Через два дня Веха оценилась. Приплод оказался единственным, необычайно крупным и, что ужасно, вовсе не походил на детеныша собаки. Нанас даже подумал, что Веха нагуляла этого уродца на болотах, спарившись с жабой, настолько щенок напоминал головастика – первым делом, несуразно огромной, круглой головой и хилым, болтающимся подобно хвосту тельцем. А вот хвоста у него как раз не имелось. И этот головастик был совсем белым, словно личинка мухи.

Мать Нанаса, уже не встававшая с лежанки, тогда со стоном отвернулась к стене вежи, а сам парень с несвойственной ему брезгливостью протянул к щенку руку, чтобы немедленно отнести и утопить того в ручье. Но стоило ему коснуться мокрой морщинистой кожи, как пальцы, готовые сжать уродливую белую личинку, вдруг перестали его слушаться, а в душе наступила такая благодать, такое умиротворение и любовь ко всему живому, что убить даже червя, даже ту самую муху показалось кощунственным. К пальцам вернулась чувствительность, и Нанас бережно положил уродца в ладонь. Поднял его к лицу и ахнул: с плоской, приплюснутой мордочки на него смотрели большие, прозрачно-желтые, цвета спелой морошки

глаза. У только что родившегося щенка не могло быть открытых глаз, но эти не просто были открыты, а еще и внимательно смотрели на него. Нанасу показалось даже, что он прочел в этом невероятном взгляде признательность и благодарность. Разумеется, он оставил щенка. Тем более, Веха, напуганная тем, кого сотворила, снова исчезла. А вскоре ушла в Нижний мир мама. Если бы не Сейд, парень бы остался совсем один. В сыйте у него и до этого не имелось друзей, а с появлением в доме «исчадия злых духов», его вежу и вовсе старались обойти стороной. Особенно после того, как псинку возненавидел по какой-то своей причине сам Силадан. Сейдом Нанас назвал пса отчасти назло соплеменникам – ведь как раз в сейдах и живут духи, а отчасти из-за того, что тот любил подолгу сидеть совсем неподвижно, будто и впрямь превращаясь в камень. Когда щенок подрос, он стал больше походить на собаку. Хвост у него, конечно, не вырос, зато густая длинная шерсть сияла теперь белизной лишь на груди и брюхе, а спина и лапы потемнели, приняв буровато-серый оттенок. Не изменился окрас головы, к тому же она была по-прежнему большой и круглой, с плоской, как у совы, мордой. Да и у глаз – огромных, по-человечески умных – остался все тот же прозрачный морошковый цвет. В чем-то они были даже похожи с псом – Нанас тоже отличался «окрасом» от соплеменников. У тех, в-основном, был темный цвет волос, хотя имелись среди них и русоволосые, и даже совсем светлые. Но рыжим, почти ярко-огненным, словно заходящее солнце, был лишь он один.

Сейд, почувствовав взгляд хозяина, посмотрел на него и, как показалось, кивнул: мол, не бойся, я здесь, все будет в порядке. Нанасу очень хотелось в это верить, но слева уже проплывали заснеженные низкорослые деревья и кустарники узкой, вытянутой косы Длинный Наволок. За ней уже просматривался на фоне светло-серого неба край Ловозерских Тундр – горного массива, за который и через который нойд Силадан строго запретил переходить. Ведь духи, разгневанные на забывших заветы предков саамов, два десятка лет назад уничтожили весь мир вокруг, оставив им возле священного Сейдозера лишь небольшой клочок земли для обитания. Все, что виделось дальше, было лишь мороком; стоит переступить невидимую черту – провалишься в бездну и попадешь в лапы самым злобным и кровожадным духам.

Сперва Нанас, как и все, верил этому, но потом стал сомневаться. Как же так, думал он, откуда же тогда прилетают птицы, при ходит зверье, где берут начало ручьи и реки?.. А когда нойд назвал «исчадием» его любимого пса, доброго, верного, тут парень и задумался о том, что мудрейший тоже может ошибаться – да еще и судьбы чужие решать по ошибке! Пару раз Нанас пытался заговаривать с другими саамами о том, что Силадан, может, не во всем прав, а может, знает и поболее того, что говорит, но те с ним соглашаться боялись.

В общем-то, за свою недоверчивость он и поплатился. И скоро поплатится еще больше, если был в этих сомнениях не прав. Теперь за Длинным Наволоком будет россыпь небольших островов – и все, горы кончатся. А с ними, возможно, все же кончится и мир. Странно, что жестким запрет был лишь по этим двум направлениям – на север и запад, где тянулись Ловозерские Тундры. В другие стороны дозволялось уходить куда дальше – до полудня оленьего хода, до тех пор, пока не начинал греть тело оберег – плоский камень из священных сейдозерских пещер. Силадан повелел каждому сааму повесить такой оберег на шею, под торку⁷. Камень, нагреваясь, предупреждал о близости края мира.

Нанас невольно прижал к груди ладонь в меховой рукавице. Камень был чуть теплым. Значит, до бездны, если она и впрямь существует, было еще далеко. Тогда почему же нельзя сюда забираться? И что значил разговор нойда со старейшиной, который он случайно подслушал прошлым вечером? Кроме всего, что касалось его личной судьбы, из той беседы Нанас понял мало. Но если он понял хоть что-то правильно, то мир, по крайней мере в этой

⁷ Торка – нижняя саамская одежда из тонких оленьих шкур.

стороне, не заканчивался сразу за горами. Тогда прав был небесный дух и его карта. А Силадан их, выходит, обманывал. Но почему, зачем?

Или ошибался все-таки сам Нанас, а разговор шел о чем-то ином, недоступном его разуму? Тогда совсем скоро...

Нанас глянул на горы. Они стали заметно ниже. Нарты миновали последний из островков.

День намечался пасмурным. Полярная ночь закончилась луну назад, еще одна луна оставалась до равенства дня и ночи, а там придет конец и долгой зиме. Вот только доживет ли он до весны? Да что там до весны – доживет ли он хотя бы до сегодняшнего полудня?.. Справится ли с заданием, которое ему дано?

Горы закончились. Теперь по обеим сторонам озера пролегали пологие заснеженные берега, покрытые кустарником и редким, невысоким лесом. Озеро же тянулось вперед и вперед – туда, где на самом деле, по словам Силадана, не было уже ничего. Может, и правда эта белая снежная равнина вдаль с темными щеточками леса по краям – на самом деле вовсе не озеро, а лишь кажущаяся им бездна? Может, еще шаг-другой – и... все?..

Нанас не сразу заметил, что невольно стал подергивать вожжу, направляя оленей к левому берегу, и опомнился, лишь когда вокруг замелькали деревья. Впрочем, он тут же нашел себе оправдание: если за ним снарядили новую погоню, теперь, при дневном свете, на озере его бы заметили сразу. Конечно, разыщут и в лесу, если пойдут по следу, но ведь это если пойдут. Видно, после сошествия духа с небес Силадан решил оставить беглеца в покое. А может быть, его просто записали в покойники.

Еще одним оправданием было то, что так он срежет путь до села Ловозеро, откуда должна начинаться показанная небесным духом дорога.

Так или иначе, запретный рубеж, очерченный нойдом, он уже пересек. И пока что никуда не провалился.

И все же Нанас попридержал оленей, тем более по лесу особо разгоняться не стоило. Да и снег здесь был более глубоким и рыхлым, чем на озере. Крайние полозья то и дело проваливались, и нарты все чаще скользили своей средней частью, сделанной в виде кережи⁸. Такие нарты придумал сам Нанас еще три зимы назад. В одной кереже было ездить не очень удобно – сани то и дело норовили опрокинуться набок; полозья же обычных нарт проваливались в глубоком и рыхлом снегу. Вот он и додумался объединить оба вида саней в один. Кережа крепилась к боковым полозьям с помощью березовых копыльцев, и когда полозья оседали в снег, нартам не давало проваливаться ее днище, на полозе которого они и скользили дальше. Да и сидеть в кереже было куда удобней, чем на настиле обычных нарт. В ней даже можно было спать на стоянках, закутавшись в оленьи шкуры, что теперь вполне могло пригодиться Нанасу. Кстати, его сани всем пришлись по душе. Пожалуй, это было единственное, за что его искренне хвалили соплеменники.

Здесь лес показался ему точно таким, что и вокруг сыйта, – будто и не уезжал никуда. Те же почти сливающиеся белизной со снегом березы – кривоватые и не особо высокие; те же тонкие редкие сосны с голыми внизу золотисто-коричневыми стволами; та же торчащая повсюду голая щетина ивняка и ольхи. Лишь только ели выглядели более мрачными: опущенные под тяжестью снега колючие лапы и впрямь казались лапами – растопыренными, живыми, вот-вот готовыми схватить зазевавшуюся добычу, которой в этот момент был он сам. Ему стало здесь неуютно, захотелось даже повернуть оленей назад, к озеру.

К счастью, впереди показался просвет.

⁸ Керёжа – саамские сани в виде лодки с одним центральным полозом. Использовалась до конца XIX века, после чего получили распространение косокопильные нарты, заимствованные у коми-ижмцев и ненцев.

Выехав на большую поляну, Нанас решил остановиться и перевести дух. Да и оленям пора было дать отдохнуть. Он отбросил хорей в снег, и хорошо выученные олени послушно остановились. Юноша встал с нарт, ослабил упряжь, и оба быка тут же принялись разгребать мордами и передними копытами снег, в надежде докопаться до ягеля.

Сейд тоже остановился, уставился на Нанаса своими морошковыми глазами, словно спрашивая: «Ну, что дальше?»

Нанас спустился с саней, погладил пса, почесал за ухом, а заодно осмотрел следы побоев. Странно, но, похоже, Сейд чувствовал себя хорошо.

– Заживает, как на собаке! – сказал ему, улыбаясь, Нанас. – А дальше что? Пойдем вперед, искать дорогу!

Глава 3

Первый осколок старого мира

Нарты снова скользили по хрусткому насту. Нанас опять восседал в кереже, держа в левой руке хорей, а в правой вожжу. По-прежнему рядом с оленями бежал верный пес. Полозья мерно раскачивались на болотных кочках. Правда, болото теперь было другое, не то, где они с Сейдом отыскивали мешок небесного духа, ну так это и к лучшему.

Только теперь, отъехав уже на большое расстояние и убедившись, что погони больше не будет, успокоившись и ободрившись, Нанас решил вернуться в своих мыслях к сошествию с неба могучего духа и тому, что им пришлось пережить после.

Дух забрал у Нанаса свободу, приказав выполнять свою волю. Вместо свободы Нанас получил в своей до сих пор не слишком-то осмысленной жизни первую понятную цель.

Даже несколько целей. Какие-то из них казались очень далекими, малопонятными и пугающими, и о них он старался пока не думать, а некоторые виделись не очень и трудными, как та, например, с которой он уже справился. Небесный дух первым делом приказал найти мешок с двумя заколдованными шубами (Нанас понял потом, что так он называл малицы); перед тем как спрыгнуть с огненных нарт, он сбросил его на землю. Одну шубу должен будет надеть Нанас, когда затрещит волшебная коробочка, которая тоже была в мешке, а вторую следует надеть той девушке, Наде. Дух объяснил, что эти шубы защитят их от злого колдовства, которое духи наслали на землю, а коробочка будет подсказывать, где вред от него особенно силен и опасен. Дух показал на карте, с какой стороны он летел на огненных нартах, которые называл смешным и непонятным словом «сушка», и сказал, что мешок большой, размером примерно с Нанаса, да к тому же еще и красный, так что найти его будет легко. Это было последним, что сказал ему дух. Потом он снова закашлялся, побледнел и показал глазами, чтобы Нанас расстегнул его пятнистую малицу. Нанасу опять стало страшно, но послушаться духа было еще страшней, и он все-таки догадался, за какую «собачку» нужно тянуть, чтобы разошелся длинный зубастый шов, идущий сверху вниз через всю эту странную одежду. На поясе под ней Нанас увидел красивые кожаные ножны, а в них... Сразу забыв и о страхе, и о том, что не мешало бы спросить разрешения, он вытянул оттуда большой металлический нож с лезвием длиной в две ладони. Нанас держал его в трясущейся от волнения руке и думал, что умрет на месте от зависти. Такого ножа не было ни у кого в сыйте, даже у Силадана и старейшин! Ножи из металла вообще имели не больше двух-трех десятков человек, да еще с десятков общих ножей держали специально для охоты и для забоя оленей. Но все они были очень старыми, с узкими и короткими источенными лезвиями, и ломались один за другим. А этот!.. Нанас не мог налюбоваться на прекрасное чудо, глядясь в его широкое блестящее лезвие, словно в водную гладь тихого омута. Но, высказав духу свое восхищение, он увидел, что тот лишь поморщился, то ли от боли, то ли давая понять, что нож ему не интересен. А потом снова стал делать глазами знаки, явно требуя, чтобы Нанас достал из-под малицы что-то еще. Пошире распахнув ее полы, юноша увидел изнутри на одной из них большой широкий карман, на сей раз обычный, безо всяких зубов. Он сунул туда руку и достал странную коричневую дощечку, которая была удивительна тем, что легко гнулась в руках. Небесный дух облегченно выдохнул, а Нанас продолжал вертеть дощечку, пока она внезапно не раскрылась, и лишь тогда он понял, что никакая это не дощечка, а множество сшитых с одной стороны и очень ровно обрезанных тонких листов такой же точно кожи, из которой была сделана карта. Только здесь все листы были белыми с обеих сторон, и также с обеих сторон их густо покрывали неровные, совсем некрасивые узоры: где-то синие, где-то черные, а ближе к концу «дощечки» – и вовсе будто начириканые тонким угольком.

У Нанаса мелькнула мысль, что это, возможно, не узоры, а тоже буквы, только не человеческие, а те, которые умеют писать и читать только духи. Тем более, на самом первом листе и впрямь были крупно написаны вполне обычные на вид буквы, из которых он узнал, правда, всего несколько. Нанас спросил, что ему с этим делать, но дух не ответил. И лишь тогда он увидел, что глаза небесного пришельца закрыты, лицо окаменело, и осознал, что хриплого, натужного дыхания не стало слышно. Если бы перед ним был человек, Нанас бы определенно решил, что тот умер. Дух же, разумеется, умереть не мог. Он либо продолжал играть с Нанасом в неведомую игру, либо улетел по своим делам, сбросив ненужное больше тело словно зимнюю малицу с наступлением лета. Нанас же сунул «дощечку» за пазуху, а чудонож вместе с новыми ножнами повесил себе на пояс, впервые за последние годы радуясь так, как умел лишь в детстве. Но перед этим он сделал то, о чем давно мечтал и что очень непросто было выполнить в сыйте: отбросил за спину капюшон, собрал в пучок свои длинные рыжие космы и откромсал их острым лезвием. Затем подрезал все время лезущую в глаза челку и остался очень доволен результатом. Старые ножны вместе с выглядевшим теперь нелепым костяным ножом он сначала хотел попросту выбросить, но потом, решив, что не в его положении разбрасываться вещами, просто снял их с пояса и, вернувшись к нартам, засунул поглубже в мешок со снедью. Сначала Нанас сделал небольшой крюк, объехав стороной то место, куда упали огненные нарты небесного духа. Оттуда до сих пор шел дым, хоть уже и не такой густой и черный, как поначалу. И запах. Нанас чуял его даже издалека, и этот запах пугал не меньше, чем сами нарты, – он был не просто незнакомым, а совершенно чужим, вселяющим в душу чувство опасности и наполняющим сердце зябкой, липкой жутью. Нанас бы с удовольствием обогнул это место еще дальше, но он боялся, что так может проехать и мешок с шубами. Зато Сейда рухнувшая с неба повозка, похоже, не пугала совсем, а, напротив, вызывала в нем живой интерес – даже не оглянувшись для порядка на хозяина, пес сразу же помчался именно к ней. Впрочем, вернулся он довольно быстро и выглядел странно, будто что-то его насторожило и озадачило. В желтых глазах не было и тени страха, но в них явно читалась тревога. Однако на вопрос хозяина, что же он там увидел, Сейд быстро отвел взгляд и занял свое привычное место справа от оленей. Мешок нашелся с самого края небольшого, занесенного снегом болота. Не увидеть его и впрямь было бы трудно – дух ничуть не преувеличил, сказав, что тот размерами с Нанаса. И он был таким ярким, что издали юноша принял его за огонь большого костра. Сейд тоже увидел мешок и помчался было к нему, но на полпути неожиданно остановился и замер, повернувшись к лесу. Постояв так не слишком долго, он мотнул головой, будто стряхивая что-то прилипшее к морде, а потом, опустив плоский нос к самому снегу, потрусил чуть в сторону от мешка и сделал вокруг него несколько сужающихся кругов. Возле самого мешка он уселся на снег и принял свою излюбленную позу каменного изваяния. Казалось, пес о чем-то крепко задумался. Стоило Нанасу выехать на болото и приблизиться к мешку, ему сразу стало понятно, что встревожило Сейда. Нанас с опаской оглянулся на оставшиеся позади деревья, достал притороченный изнутри кережи лук, натянул и закрепил тетиву и приготовил одну из двух стрел с металлическим наконечником. Десяток других были полностью деревянными, с обоженными для твердости остриями, но на них сейчас было мало надежды, поскольку то, что он увидел на снегу, мог оставить только очень большой зверь. Или... не зверь?..

Нанас остановил оленей и выпрыгнул в снег. Перед ним тянулась цепочка следов. Очень непонятных следов! Во-первых, он никогда раньше не видел зверя, который мог бы оставить такие отпечатки. Во-вторых, следы были очень большими, даже больше медвежьих. И самое удивительное – если бы не их пугающий размер, Нанас бы подумал, что эти следы оставил человек. Босой человек! Но ведь таких огромных людей не бывает! Уж на что немаленьким был небесный дух, но даже его след едва ли составил бы и половину этого. Однако мысль о человеке пришла не напрасно: мало того, что форма загадочного следа очень

уж напоминала человеческую ступню, так еще и ходил оставивший его зверь на двух лапах. Или все же ногах?

След был двойным. Сначала он вел от леса к мешку, потом несколько раз огибал его, а затем обладатель неимоверных ступней по тому же пути снова вернулся к лесу. Нанас еще раз обвел пристальным взглядом деревья, но ничего подозрительного не заметил. Да и Сейд не выказывал больше признаков тревоги, продолжая сидеть возле красного мешка каменным истуканом. Пожалуй, стоило перестать ломать попусту голову и заняться делом. Все равно им отсюда уезжать, и уезжать далеко, так что встретиться с загадочным великаном уже не доведется. Жаль, невозможно рассказать об этом в сыйте. Может быть, кто-нибудь из охотников...

Внезапно Нанаса бросило в жар. Ведь недавно, совсем недавно он слышал что-то... Что-то такое... Что?... Что же он слышал? Где? От кого?..

Юноша нахмурился. Что-то тут было неладно. Ведь он неспроста собирался хвастаться перед небесным духом своей замечательной памятью. В детстве она была обычной, но после обряда посвящения в мужчины в священных сейдозерских пещерах произошла удивительная вещь: он вдруг и впрямь перестал что-либо забывать. А вот сейчас никак не мог вспомнить чего-то очень важного, чего-то такого, что было связано с этими непонятными следами. И тут Сейд угрожающе заворчал, а потом вдруг заскулил и спрятался за мешок. Одновременно с этим Нанас почувствовал, что сзади, из-за деревьев, на него кто-то смотрит. Но повернуть туда голову он не мог. Дело было даже не в страхе, который мгновенно вздыбил волосы и заледенил сердце. Ему на затылок словно опустилась тяжелая лапа, впившись когтями, казалось, до самого мозга. Это продолжалось недолго и закончилось так же внезапно, как и началось. Нанас обернулся с уже готовым вырваться из горла воплем ужаса, но позади никого не было. Молчаливый лес неподвижно застыл под низким пасмурным небом, и лишь бледный дымок догорающих огненных нарт поднимался вдали над деревьями. Нанас подбежал к мешку и, не заметив внушительной тяжести, забросил его в нарты, словно пушинку. Сидеть сразу же стало неудобно, ноги пришлось задрать на мешок, но сейчас было не до этого, хотелось лишь одного – как можно скорее уехать отсюда! Лучше всего снова вернуться на озеро, уж там-то никто к ним не подкрадется незамеченным. Да и ехать там куда удобней, чем по лесу. Похоже, этому решению обрадовался и Сейд. Он даже помчался не рядом с оленями, а далеко впереди них. Правда, Нанас предполагал, что пес держится подальше, потому что ему стыдно за свою внезапную откровенную трусость. Раньше подобного с ним не случалось, и сейчас он наверняка тяжело переживал свой позор. Однако Нанас его ни в чем не винил. Если пес испытал то же, что и он, то ничего странного и постыдного в его поведении не было. Против того, с чем они столкнулись, не помогли бы ни клыки, ни когти, как не помог бы самый тугой лук и самый острый нож... И вот теперь они вновь на болоте. Ехать по нему оказалось почти так же легко и приятно, как по озеру, да и было оно куда больше того, о котором не хотелось и вспоминать. Покатые заснеженные кочки ощущались полозьями нарт, будто размеренные волны под днищем рыбацкой лодки; легкое покачивание на них, несмотря на все пережитое и предстоящее, доставляло истинное удовольствие. К тому же, день хоть и выдался пасмурным, но было безветренно, а с неба сыпался лишь редкий мелкий снежок. Само небо при этом казалось теплой и мягкой светло-серой оленьей шкурой, прицепленной к верхушкам деревьев вокруг болота и заботливо растянutoй над ним. Мороз почти спал, встречный воздух совсем не обжигал холодом щеки. Одно было плохо – начали затекать заброшенные на мешок ноги. Нанас уже привычно оглянулся, в очередной раз убедился, что никто за ними не гонится, и решил сделать короткую остановку. Достать из кережи мешок оказалось не так-то легко. Нанас удивился, что совсем не почувствовал его веса, когда забрасывал в нарты. Зато сейчас пришлось покряхтеть. Что же это за шубы такие тяжеленные? Можно было раскрыть мешок и посмотреть, но ему почему-то

совсем не хотелось этого делать. После того, что с ними недавно случилось, прямо-таки не терпелось убраться отсюда подальше. А потом уже можно будет расслабиться, отдохнуть и рассмотреть «подарки» небесного духа. Да и перекусить не помешает – в животе уже начинало требовательно урчать. Но это потом, все потом! Вот отыщет дорогу, найдет местечко поуютней и устроит нормальный привал. А то здесь, на болоте, и оленям ничего съедобного из-под снега не вырыть. Нанас задумался, куда бы приспособить мешок. Первое решение показалось удачным: у мешка были широкие прочные лямки, и он подвесил его на выпирающую сзади спинку кережи. Но, едва сел в нарты и тронул оленей, понял, что задумка оказалась плохой – мешок перевешивал, и концы полозьев глубоко проваливались в снег; оленям было трудно везти нарты с задранной носом, да и самому Нанасу оказалось неудобно сидеть, завалившись на спину. Пришлось опять останавливаться. Не додумавшись ни до чего иного, юноша пристроил мешок поверх ног, положив его поперек кережи и привязав веревками к специальным отверстиям в ее боках. Получилось в целом неплохо, только не очень удобно садиться и вылезать. Впрочем, делать это часто он все равно не собирался. Между тем болото скоро кончилось, и лес опять подступил совсем близко. Но он теперь не радовал Нанаса. То и дело заставлял вздрагивать и пристально всматриваться какой-нибудь скрюченный, похожий на раскинувший лапы чудище ствол. Никогда еще лес не вызывал в нем такого напряжения, никогда не хотелось убраться подальше от мрачных, по-зимнему голых деревьев. Правда, впереди было ровное, покрытое снегом место – наверняка какое-то озеро. Нанас вспомнил, что у него есть карта, заставил перейти с бега на шаг оленей и достал ее из-за пазухи. Что ж, если он правильно понял, что было нарисовано на карте, перед ним и впрямь лежало небольшое озеро, даже, скорей, озерко. А если так, то с другой стороны в это озеро должна впадать речка, и если подняться по ее совсем не длинному руслу, то скоро можно будет попасть в село Ловозеро, откуда и начиналась та самая дорога, о которой говорил дух. На словах все было просто, но уже от одной мысли, что он скоро увидит человеческое жилье, ему становилось сильно не по себе. Ведь еще сегодняшним утром он и не подозревал, что на земле осталось еще хоть одно место, кроме их поселения, где могли бы жить люди. Пусть не сейчас, пусть очень давно, но все-таки – люди. Что же касается именно Ловозера, то оно волновало Нанаса еще и тем, что отсюда родом были его родители. Отца он не помнил, тот погиб на охоте, когда Нанас был совсем крохой, но мама нет-нет да и вспоминала место, где они жили раньше, когда сына еще не было на свете. Впрочем, зачат он был именно там, мама пришла в сыйт уже на сносях, где вскоре и родила его. Озеро и впрямь оказалось маленьким – поглощенный мыслями, Нанас и не заметил, как пересек его. Устье впадающей в озеро речки обнаружилось сразу. Значит, все верно и Ловозеро совсем рядом. Нанас поежился от пробежавшего по телу озноба, затянул горловину капюшона так, что осталось лишь маленькое оконце напротив глаз, и направил оленей вверх по замерзшему руслу.

Похоже, не ему одному сделалось не по себе: все чаще оглядывался на него Сейд, сбавили ход олени. Нанас не стал их подгонять – не очень-то он торопился к встрече с неведанным.

Но сколько ни оттягивай неминуемое, оно все равно наступит. Вот и закончился лес по берегам речки, вот и открылось перед Нанасом то, чего он и ждал, и невольно отталкивал от себя подальше.

Поначалу юноша даже не понял, что же он видит. Впереди, слева и справа, по обоим берегам, стояли... Нанас не смог подобрать слова, чтобы назвать увиденное. Это было похоже на огромные кораба, только не сплетенные из бересты, а сделанные... из льда? Из снега? Из камня? Скорее, последнее, ведь если бы их сделали из льда или снега, кораба бы давным-давно растаяли. Но разве возможно сложить такие громадины из камня? Какими же

великанами должны быть те люди, которым под силу такое? Вспомнив о великанах, Нанас почувствовал, как нехорошо засосало под ложечкой и зашевелились волосы на затылке.

На всех коробах было множество больших квадратных отверстий – где-то в два ряда, где-то в три, а то и в четыре. И эти ряды были удивительно ровными, да и сами короба поразительно ровно стояли друг подле друга. Почти все они были грязно-серого цвета, хотя попадались бледно-желтые и зеленые, но тоже какие-то неопрятные и грязные. Нанасу даже подумалось, что в них разводили костры. Вот только зачем, у него не получилось придумать. Не жили же в этих гигантских коробах люди! Кстати... Он пристально огляделся вокруг. А где же они тогда жили? Где хоть одна вежа? Не могли ведь жилища рассыпаться без остатка?

Нанас набрался смелости и вывел нарт на берег, поближе к коробам. Вблизи они еще больше походили на каменные, но словно покрытые сверху какой-то коркой – где серой, где зеленоватой или желтой. Эта корка во многих местах отвалилась, и под ней хорошо были видны камни – тоже поразительно странные, небольшие и ровные, как правило – неяркого красного цвета, хотя были и серые, почти как обычные камни. Из таких серых камней некоторые короба были сложены полностью, и они не были покрыты коркой. Зато теперь, вблизи, было хорошо видно, что многие короба и впрямь покрывали старые следы копоты. А еще стали попадаться такие, у которых квадратные отверстия в стенах тускло блестели, словно были затянуты рыбьими пузырями. Но если пузырь, которым была обернута карта небесного духа, принадлежал хоть и огромной, но все-таки представимой по величине рыбине, то та, пузыря которой хватило, чтобы закрыть эти ровные дыры, должна была сама иметь размер почти с такой короб. А ведь такую рыбу человеку ни за что не добыть – какой невод выдержит подобный вес?

И все-таки любопытство пересилило страх. Нанас остановил оленей и выбрался из нарт. Сейд посмотрел на него с подозрением: дескать, ты же не хочешь сказать, что собираешься лезть в эти пещеры?

Нанас как раз собирался. Ну, если не лезть, то хотя бы заглянуть внутрь. Он вынул нож, засунул за пояс правую рукавицу и голой ладонью, чтобы не выскользнула, сжал удобную черную рукоятку, а потом посмотрел на пса.

– Что, трусишь? Огненных нарт не испугался, а тут!.. Давай-ка пойдем и посмотрим, что это такое.

Сейд тяжело вздохнул и поплелся вслед за хозяином. Вряд ли он на самом деле чего-то боялся – похоже, на нем просто до сих пор сказывалось происшествие на болоте, где он показал себя отнюдь не смельчаком и, видимо, опасался опозориться снова. Нанас решил приободрить друга, мысленно обругав себя за то, что намекнул на его трусость. Он перехватил нож рукой в рукавице, а голую ладонь положил на круглый собачий лоб и заглянул в грустные желтые глаза.

– Послушай, Сейд. Ты не трус. Прости, что я так сказал, это не всерьез, по глупости. То, что с нами было, – не считается. Оно было сильнее нас, я тебя не виню. Кто бы смог не испугаться? Наверное, даже небесный дух испугался бы. Ты очень храбрый. Я вот боялся небесного духа, а ты – нет. Я боялся огненных нарт, а ты – нисколько. Так что давай, забудь то, что было, мой самый храбрый пес!

В глазах Сейда яркой искрой блеснула радость. Он высунул длинный розовый язык и лизнул ладонь Нанаса. А потом, будто смутившись проявления чувств, побежал вперед хозяина к коробу.

Нанас же вновь обругал себя, теперь уже за то, что не поговорил с Сейдом раньше. Бедный пес мучился, а он... Досадливо махнув рукой, юноша вновь перехватил нож и бросился догонять мохнатого друга.

Нагнал он его возле самого короба. Пес стоял возле большого, выше Нанаса, проема в стене, закрытого деревянным щитом. Это было очень похоже на дверь в вежу, только обыч-

ная дверь была вдвое ниже. С краю двери виднелась скоба. Нанас снял и заткнул за пояс вторую рукавицу, осторожно коснулся скобы пальцем и тут же с изумленным возгласом отдернул руку. Скоба была железной! Вот это да!.. Насколько же хорошо жили раньше люди, что даже на какие-то глупости не жалели железа!

Он взялся за скобу всей ладонью и потянул дверь на себя. Та открылась с противным визгливым скрипом. Внутри короба оказалось достаточно светло, что было неудивительно при таком количестве отверстий в стенах. Нанас чуть было не назвал их окнами, но тут же мысленно посмеялся над собой: во-первых, окна делают там, где живут, а во-вторых, в настоящее окно даже Сейд едва-едва пролезет, а в эти дыры легко пройдет и олень с ветвистыми рогами, разве что слегка наклонит голову.

За дверью начинались новые чудеса. Первое, что бросилось в глаза, – ведущие вверх каменные выступы, опять же очень гладкие и ровные. Но это еще куда ни шло. Самым же поразительным было то, что по краям выступов тянулась невысокая изгородь, только прутьями и перекладинами в этой изгороди были не жерди и ветки, а... снова металл!

И лишь теперь Нанас наконец понял многое из вчерашнего разговора между нойдом Силаданом и старейшиной Ароданом. Но обдумать понятное он решил позже, когда можно будет сделать это спокойно, не отвлекаясь на удивление от новых и новых чудес. Очередным из них были аж три двери, к которым привели его каменные выступы. Сами же выступы после этого поворачивали еще дальше вверх. Туда Нанас решил пока не забираться и для начала одну за другой подергал все двери. Две не открылись, третья же внезапно распахнулась, стоило не потянуть ее, а толкнуть от себя. Из-за двери на него непривычно пахло. Но запах был вовсе не тревожным, как тот, например, что доносился от огненных нарт. Этот же был совсем не страшным, но каким-то... грустным, тоскливым. Нанас шагнул внутрь и осмотрелся. Он словно попал в короткую и узкую сумрачную пещеру с ровными, как полозья нарт, потолком, полом и стенами. Неяркий свет проникал в нее сбоку, куда резко загибался проход. Слева же в стене и в другой, напротив, виднелось еще по одной двери. Нанас не стал их пока открывать, опасаясь, что если за каждой дверью он станет открывать все новые и новые, то в конце концов запутается и не сможет выбраться наружу. А вот туда, куда заворачивал проход, он зашел. Сначала заглянул, а потом ноги сами его туда вынесли. Место, в которое он попал, оказалось поистине сказочным. Тоже пещера, хотя и с изумительно ровными стенами, полом и потолком, она была вдвое, а то и втрое шире прохода, хоть, пожалуй, и не длиннее его. Но главное – она заканчивалась тем самым квадратным отверстием, что во множестве видел Нанас на стене короба снаружи. И в это отверстие он видел сейчас... своих оленей! Квадратная дыра занимала почти всю стену пещеры и была покрыта рыбьим пузырем. Хотя пузырь ли это? Слишком уж хорошо сквозь него было видно. Юноша подошел ближе и протянул к пузырю палец. Тот уперся во что-то столь же твердое, как камень. Казалось, внутри дыры окаменел сам воздух! Нанас отдернул руку и увидел, что палец оставил на каменном воздухе след. Тогда он провел по твердому воздуху линию. Это было так удивительно и так интересно, что он пририсовал к линии две черточки сверху, две снизу, вверху еще добавил кружок – и получился самый настоящий человек. Нанас захохотал так неожиданно и столь заливисто, что отвлекшийся на прочие чудеса Сейд вздрогнул и недоуменно гавкнул. Нанас же рассмеялся еще громче и вывел под рисунком буквы, составляющие его имя.

– Вот, Сейд, – позвал он пса, – смотри, это я!

Но тот не оценил художеств хозяина и снова гавкнул, явно призывая его вернуть рассудок на место, хотя Нанас сам уже видел, что кроме окаменевшего воздуха в пещере хватает чудес. Здесь был большой ровный стол, сделанный из невероятно гладкой, не похожей на ошупь на дерево, белой, как снег, доски. Да и шириной доска была такая, что само дерево, из которого она была сделана, доставало бы, наверное, до неба. Где же, интересно, растут

такие деревья? Неужели и впрямь, как говорил небесный дух, земля настолько большая, что на ней может быть все, что угодно? А скорее всего, такие деревья росли в том волшебном, сказочном месте, которое и было конечной целью его похода – в городе Полярные Зори!.. И Нанасу вдруг нестерпимо захотелось попасть туда поскорее. Вот если бы не сворачивать к пропавшему Мурманску, не искать принадлежащее неведомому флоту (кто еще знает, что это за зверь?) какое-то Видяево, а повернуть сразу туда, к обещанному раю!.. Но ведь небесный дух все сразу увидит сверху, а тогда не избежать и другого его обещания – неминуемой кары.

Нанас вздохнул и продолжил осмотр пещеры. В больших коробах, развешанных по стенам, он неожиданно обнаружил много посуды. Но не выдолбленных из дерева тарелок и мисок, не сплетенных из бересты туесков, а сделанной то из белого, гладкого, легкого и блестящего камня, то из теплого нetaющего льда, а то и из железа. Железными были и ложки – большие и маленькие, а также крохотные, непонятно на что годные плоские рогатины и даже ножи. Правда, эти ножи не шли ни в какое сравнение с тем, что позволил ему забрать небесный дух. Но все-таки это были ножи ножи из металла! Целых четыре штуки! Нанас собрал их все и сунул за пазуху. А еще он увидел там настоящую ценность – котлы. Они тоже были разных размеров, блестящие и покрытые изумительно красивыми рисунками цветов. Из чего были сделаны те необычайно яркие краски, оставалось только гадать, но заниматься этим было некогда. Нанас выбрал средних размеров котел и котелок поменьше и тоже взял их с собой. Теперь будет в чем варить мясо и рыбу, и будет где кипятить воду для чая. А то их с мамой котел был старый-престарый, черный от копоти и уже протершийся до дыр на сгибе у дна. Чтобы сварить в нем что-то, его приходилось наклонять в одну сторону, чтобы сквозь дыры не проливалась вода. Теперь Нанас уже понимал, что в коробах раньше все-таки жили люди. Просто, глядя на них снаружи, он не мог знать, что внутри они поделены на пещеры. И все равно непонятно, кто же построил эти короба и кто сделал все те чудесные вещи, что находились внутри? Впрочем, догадка пришла быстро. Кто же еще мог сотворить все это волшебство, как не духи? Разумеется, духи добрые, из Верхнего мира. Теперь становились понятными и слова Силадана о том, что духи разгневались на саамов и уничтожили мир вокруг них. Ну, пусть, как узнал он сегодня, не уничтожили, а сделали непригодным для жизни, и не весь, а местами – это уже не так важно. Главное, что если они разгневались лишь два десятка лет назад, то до этого относились к саамам хорошо, а поэтому во всем помогали им – строили огромные и прочные каменные вежи, давали чудесные, полезные вещи... Как же могли люди поступить столь неразумно, что рассердили духов? Наверное, те слишком сильно их баловали, вот люди и стали вести себя, словно капризные дети. А их, как известно, нужно наказывать, вот и... Внезапно Нанасу пришла в голову и еще одна мысль. Если добрые духи помогали людям, то что, интересно, делали в это время злые? Может, они-то как раз и подбивали людей на плохие поступки? Силадан говорил, что злой дух может незаметно вселиться в человека. Может, они как раз и вселились в людей против их воли, чтобы чужими руками пакостить своим врагам?.. И вот тут-то его озарило... «Незаметно», «против воли»... Да ведь это как раз и произошло с ними сегодня на болоте! Кто же еще мог так повлиять на их с Сейдом рассудок? Разумеется, то были злые духи. Или даже один дух, принявший образ невидимого гиганта и вылезший из Нижнего мира. Но почему он оттуда вылез? Не пробили ли упавшие огненные нарты дыру в Нижний мир? Ведь не даром, сбегав туда, Сейд стал таким озабоченным... Эх, как жаль, что верный пес не умеет говорить!

Сейд заворчал, будто учуял его мысли. А может, почувствовал опасность...

Увлечшись чудесами, Нанас перестал обращать внимание на все остальное. В том числе на свой голод и жажду, а также на то, что ему стало жарко. Конечно, внутри короба было теплей, чем снаружи, но ненамного. Дело тут было в другом, и Нанас быстро понял, в чем. Виной был висящий на груди оберег.

Заколдованный камень из священных сейдозерских пещер нагрелся! Он еще не обжигал кожу, но все же стал явно горячее тела. Силадан говорил, это значит, что скоро будет граница между миром и мороком. Насчет морока он ошибался, а вот насчет вредных для людей козней духов – нет. И теперь оберег наверняка предупреждает владельца, что здесь – опасное место. Еще не очень опасное, но все-таки уже вредное. Правда, Нанас очень надеялся, что оберег на то и оберег, чтобы не только предупреждать об опасности, но и защищать от нее. И все же лучше было не рисковать, а поскорее уехать отсюда. Тем более, у Сейда и у оленей оберегов нет, да и есть хочет не только он один. Может быть, пес оттого и ворчит, что пытается об этом напомнить.

Нанас с сожалением посмотрел на необследованные двери и вздохнул:

– Ладно, пойдем, друг. Тут и до ночи все не посмотришь.

А про себя еще раз подумал, что понимает теперь, чего хотел от нойда старейшина Ародан...

Выйдя из каменного короба, Нанас тут же заметил, что олени ведут себя подозрительно. Эти неутомимые, трудолюбивые и верные животные не умеют издавать почти никаких звуков, но сейчас оба быка раздували ноздри и глухо пофыркивали, тревожно косясь на нарты.

«Это еще что такое? – нахмурился Нанас, убедившись, что в саях никого нет. – Неужто в мешок со снедью забралась крыса?» Но тут вдруг зарычал Сейд, тоже впившись взглядом в повозку.

– Сейд, ты чего? – спросил Нанас. – Там же никого нет!

Сейд, рыкнув еще разок, замолчал и, склонив набок голову, прислушался. А потом подошел к нартам и ткнулся плоским носом в лежащий поперек кережи красный мешок. Нанас осторожно приблизился к саям, отбросил за плечи капюшон, приложил к уху ладонь и наклонился к мешку. Там что-то щелкало. Негромко и редко, но звук был слышен отчетливо. – Волшебная коробка небесного духа! – озвучил свою догадку Нанас. – Мой оберег тоже стал теплым... Здесь уже начинаются вредные места. – Увидев, что псу его слова не понравились, Нанас поспешил его успокоить: – Еще не сильно вредные, легохонько. Дух говорил, что до самых опасных еще далеко.

Глава 4

Первая ночь в новом мире

Дорогу – ту самую, что на карте небесного духа была похожа на тонкую ниточку, – Нанас отыскал быстро. Почти сразу за крайними строениями начинался лес, а в его сплошной стене виднелся вполне широкий проход, достаточный, пожалуй, чтобы ехать бок о бок сразу трем нартам, – вот тебе и ниточка! Дорога была удивительно ровной и тянулась вперед далеко-далеко. Казалось, она нигде не заканчивалась, а просто растворялась в светлой серости неба. Может, и впрямь она представляла собой путь в Верхний мир? Впрочем, вряд ли. Он уже видел, что из Верхнего мира сюда попадают безо всяких дорог. Значит и эта вела не туда. «Куда-то она меня заведет?» – безмолвно вздохнул Нанас и слегка постучал костяным набалдашником хорея по спинам оленей. Он мог бы этого и не делать, те и без его понуканий помчались вперед так, словно почуяли дом. Впрочем, лес был для них куда более домом, чем пугающие заросли огромных каменных коробов.

Нанас тоже почувствовал себя в лесу намного лучше и уверенней. Тем более, ехать по дороге было одно удовольствие, даже оленями управлять не надо – им и так ясно, куда бежать: по обеим сторонам – деревья, свободный путь лишь впереди. Так что Нанас откинулся на спинку кережи и решил немного расслабиться. Но долго ему отдыхать не пришлось, скоро он увидел, что влево от дороги отходит еще одна.

К этому юноша был не готов. Он остановил оленей и вылез из кережи. Подошел к повороту, отбросил за спину капюшон и почесал в затылке. Куда же ехать дальше? Понятно, что обе дороги не могут вести в одно место, а значит, одна из них идет не туда, куда нужно. Но вот какая именно? Он глянул на Сейда, в надежде что умный пес ему поможет, но тот посмотрел на хозяина с укором: дескать, откуда мне знать, я тут никогда не был, а пахнут они обе одинаково.

Эх, подумал Нанас, был бы Сейд не собакой, а птицей, поднялся бы сейчас высоко-высоко и увидел, какая из этих дорог ведет к той, большой, по которой нужно будет ехать к Мурманску! Подумал, и тут же хлопнул себя по лбу. Дурень! «Птица» уже посмотрела на эти дороги и даже нарисовала их для тебя!

Он быстро достал из-за пазухи карту, нашел на ней кучку маленьких черных квадратиков – Ловозеро и повел от него пальцем по «ниточке», пока не наткнулся на вторую, уходящую влево. Посмотрел на нее и присвистнул от удивления: та довольно скоро приводила к еще одной кучке, поменьше. Рядом было написано пять букв, но знал из них Нанас лишь самую крайнюю – «а». Однако удивился он не этому, поскольку уже догадался, что это Ревда, о которой тоже слышал от мамы, – часть их соплеменников была родом оттуда. Удивительным было то, что после Ревды ниточка снова делилась на две, и одна из них заканчивалась совсем недалеко от его родного Сейдозера, похоже прямо на склоне горы.

То есть, можно было бы сейчас поехать туда, а ведь это совсем близко, куда ближе, чем по озеру, – перевалить горы, и он дома! Правда, через горы пришлось бы карабкаться пешком, олени с нартами туда не взберутся. Да и дома Нанаса ничего хорошего не ждет. И вообще, у него сейчас дела в другом месте... Нет, ехать он туда не собирался! Ему просто нравилось, как все хорошо видно на карте. Удобно все-таки иметь при себе такую полезную вещь!

Итак, вроде бы ехать по левой дороге сейчас не надо. На всякий случай юноша провел пальцем по той «ниточке», что вела прямо, пока не уперлась в более широкую полосу. Ну да, ее и показывал ему небесный дух, она тянулась почти в самый верх карты, где крупными буквами написано «Мурманск». Кстати, Нанас внезапно понял, что он знает теперь все

буквы из этого слова. Конечно знает, память-то у него замечательная. А раз так, надо запомнить уже и те буквы, из которых состоят «Ловозеро» и «Ревда», – вот ведь они, только что в них пальцем тыкал. Кто знает, что ему теперь может пригодиться. Вон, дух и про указатели какие-то говорил. А еще... Нанас вспомнил про «дощечку» небесного духа и подумал, что, может, он теперь сумеет прочитать, что написано на ее первом листе.

Он убрал за пазуху карту и достал оттуда «дощечку». Открыл, посмотрел на первый лист и с огорчением понял, что букв еще знает все-таки очень мало. Из тех, что ему удалось прочитать, получилось лишь «.невн. к с. ле. енан. а у. на Семена». Более-менее понятным было лишь последнее слово – «семена». Правда, над второй буквой «е» стояли еще зачем-то две точки. Видимо, эти самые семена небесный дух и нарисовал. Но при чем тут какие-то семена, для Нанаса так и осталось загадкой.

Поломать над ней голову ему помешал Сейд. Пес нетерпеливо гавкнул, будто говоря: что ты нюхаешь эту пересохшую кожу, не пора ли найти более мягкую и вкусную, желательно со свежим сочным мясом внутри?

Упрек был справедливым. Нанас и сам уже чувствовал голод, а забывать кормить своих животных вообще никуда не годится.

Он быстро спрятал за пазуху «дощечку» и виновато пробормотал:

– Все, все, сейчас поедем. А ты смотри по сторонам, ладно? Я буду лук наготове держать, учуешь куропатку или зайчишку какого – гавкни, мы их с тобой легохонько добудем.

Удача и впрямь поджидала их совсем неподалеку. Нарты не успели проехать и два полета стрелы, как справа от дороги, из молодого ельника, выпорхнуло сразу пять куропаток. Лук у Нанаса, как он и обещал, был наготове, поэтому первую стрелу он пустил, когда птицы еще не успели подняться над невысокими елочками. Выстрелил – и тут же наложил на тетиву вторую, приготовленную заранее. Эта была более тяжелой, с металлическим накопчиком; сила и точность удара имели сейчас большее значение – куропатки улетали все дальше. Нанас попал в цель и на этот раз. Хотел было сделать и третью попытку, но не стал: теперь промахнуться было легко, а найти стрелу в глубоком снегу между деревьями – не очень. Между тем Сейд уже сбегал за подбитыми куропатками и положил тушки возле ног хозяина. Нанас потрепал его по круглой белой голове, вынул из птиц стрелы и сунул добычу в самый нос кережи. Теперь нужно было найти подходящее для стоянки место, развести костер и приготовить ужин.

Далеко в лес он заезжать не стал – снег там был более глубоким и рыхлым, чем на продуваемой ветром дороге, и нарты проваливались в него сильно, по самую кережу. Да и ни к чему было это делать, вскоре попало неплохое местечко – небольшая полянка, закрытая с трех сторон густым молодым березняком, через который не сможет бесшумно подкрасться ни один крупный зверь, а с четвертой вплотную друг к другу росли две старые разлапистые ели, широкие нижние ветки которых были уже готовым шалашом.

Нанас распряг оленей и привязал их на длинных арканах к деревьям. Обычно он этого не делал, прирученные животные и так не уходили далеко от хозяина, но сейчас рисковать не стоило – потерять в его положении оленей было бы смерти подобно.

Еще подъезжая к месту стоянки, юноша заметил на снегу ломаные дорожки заячьих следов и теперь достал из кережи силъя. Если повезет, то за ночь в петлю может попасть заяц, тогда можно будет и подкрепиться утром, и взять какой-то запас в дорогу.

Затем, надев сплетенные из ивовых ветвей снегоступы и прикрепив их к пимам, Нанас отправился в лес. Устанавливая силъя, заодно набрал и сушняка для костра, а вернувшись, притоптал снег на поляне, сложил ветки шалашиком, в середку сунул содранной с березы бересты, а под нее – горсть заранее высушенного мха из мешочка на поясе. Потом достал оттуда же кремь с кресалом и умело высек сноп ярких искр. Сухой мох сразу начал тлеть, и осталось лишь раздуть его, чтобы вспыхнула береста, а там занялись огнем и ветки. Под-

ложив в костер сучьев потолок, Нанас пошел поискать еще дров. Сейд хотел увязаться с ним, однако хозяин покачал головой и показал на оленей – стереги, дескать.

На сей раз он забрел чуть подальше и вскоре наткнулся на свежий лосиный след. Впрочем, толку от него сейчас не было: дротик для охоты на крупного зверя он не захватил, да и ни к чему такая большая добыча – что с ней делать? И не съешь, и с собой не увезешь. Убивать же просто ради удовольствия Нанас никогда не любил.

Насобирав большую охапку дров, юноша отнес ее на поляну, вырезал толстый прут и рогатину и повесил над костром плотно набитый снегом котел. Потом наломал елового лапника, чтобы не сидеть на снегу, а пока талая вода закипала, он, подбрасывая в котел снег, ощипал и выпотрошил одну куропатку. Вторую сразу же отдал Сейду. Пес утащил птицу под елку и начал хрумкать ее, судя по звуку, вместе с костями и перьями.

Пока варилась куропатка, Нанас еще раз сходил за дровами, а заодно нашел и срезал трутовник – березовый нарост – для чая. Потом достал из мешка с провизией небольшой берестяной туюсок с высушенной и перемолотой в муку белой сосновой корой, которую наскоблил с ошкуренных деревьев еще по осени, и добавил две горсти в котел. Затем раскопал снег, отыскал брусничник, нарвал горсть красных, будто капли крови, ягод и тоже бросил в кипящее варево.

Когда похлебка была готова, Нанас снял котел с огня, а на его место повесил другой, маленький, тоже набитый снегом. Сам же уселся перед большим и вспомнил, что забыл достать ложку. Но ударивший в ноздри запах еды так раздражил его, что он, не утерпев, шипя и охая, голой рукой залез в горячую воду, достал кусок дичи и, обжигая язык, губы и нёбо, впился в ароматное, нежное мясо зубами. С куропаткой он разделался едва ли не быстрее, чем Сейд, а потом все же поднялся, сходил к нартам за ложкой и похлебку съел уже по-человечески, особо не торопясь. После этого покрошил и заварил в маленьком котле трутовник и с большим удовольствием напился чаю. Нет ничего лучше грибного чаю после ужина! Между тем быстро стало темнеть, и, пока Нанас чистил снегом и убирал в нарты посуду, наступила настоящая ночь. Олени, наевшись ягеля, который в избытке отыскивался под снегом, уже улеглись между сугробами, так, что их стало не видно – в свете костра различались лишь торчащие над снегом рога, да и те легко можно было принять за ветки. Сейд тоже давно сопел под еловыми лапами, и только Нанасу, несмотря на прошлую бессонную ночь, спать совсем не хотелось: события минувшего дня крутились в его голове снова и снова. Тепло огня, по-домашнему уютный треск горящих сучьев, звездочки искр, взлетающие к черному небу, – все это помогало неспешным, спокойным раздумьям. Чтобы не сидеть истуканом и чем-то занять руки, пока мысли плетут свой задумчивый танец, Нанас решил сделать дротик, благо у него теперь имелись найденные в каменном коробе ножи, один из которых можно было использовать как наконечник. Срезав ножом небесного духа стройную молодую березку, Нанас вновь уселся перед костром и принялся аккуратно ее ошкуривать. И теперь уже дал своим мыслям полную волю. С прошлого вечера по нынешний прошло совсем немного времени, но за это время случилось столько всего, сколько не происходило, пожалуй, за всю его жизнь. Во всяком случае, прежде не случалось ничего такого, что полностью бы эту жизнь меняло. Но самое главное – он избежал смерти, то есть – сбежал от нее. Правда, еще неизвестно, не нагонит ли она его вскоре, ведь едет он туда, где у смерти, похоже, самые обильные охотничьи угоды. Но не ехать – умереть еще скорей, и уже наверняка: с духами не спорят, им подчиняются. Так что о том, что будет дальше, можно сейчас не размышлять – что будет, то и будет. А вот о том, что было, – пожалуй, подумать стоило.

Взять того же нойда Силадана... Он, Нанас, еще сегодня утром полагал, что тот их обманывает. Оказалось, что нет. То есть, обманывает, конечно, но не в главном. Да и то, скорее, потому, что и сам точно не знает, как оно на самом деле. Странно, конечно, ведь нойд на то и нойд, чтобы общаться с духами и узнавать от них истину. Вот, к примеру, он

сам, Нанас, совсем не нойд, однако повстречался с духом и многое от него узнал. Так может, Силадан и не нойд вовсе? Может, он обманул их всех уже в этом? Ведь недаром старейшина Ародан называл его странным именем – Силантий и разговаривал с ним попросту, как с обычным человеком, а не нойдом, и Силадан вовсе на это не гневался, называя старейшину не менее странно – Андреем, а то и вовсе прозвищем – Кожухов. Правда, разговор у них шел наедине, они ведь не знали, что Нанас лежит в сугробе в двух шагах от вежи. А когда поняли это...

Ладно, теперь это уже не важно – сыйт далеко, и пока Силадан жив, Нанас туда уже не вернется.

Но в том подслушанном разговоре было еще кое-что важное. Тогда юноша не понял, о чем шла речь, а сегодня, в Ловозере, все встало на свои места. Ародан просил у нойда разрешения взять двух-трех человек и сходить в один из поселков. Нанас, хоть и не мог сообразить, о чем идет речь, запомнил слова старейшины до словно.

«Силантий, – сказал Ародан. – Я все понимаю: молодое поколение не должно ничего знать, а тем старикам, что знали, следует это забыть. Спасение для нас только здесь, возле залежей этого минерала. Пусть он защищает нас от радиации... Но ты тоже пойми – мы так и безо всякой радиации вымрем! Мы охотимся палками, рубим деревья единственным топором, нормальных инструментов вообще не осталось, а совсем рядом – полно всего. Да принести хотя бы просто железа для наконечников стрел и дротиков! Не может там быть очень высокого уровня, да и лет уже сколько прошло... Пусть со мной идут те, кто все равно помнит о доме, для них устои не рухнут, а я вдобавок выберу тех, кто умеет держать язык за зубами. Много мы брать не станем, только самое необходимое... А еще ружья, хотя бы парочку, и патронов, сколько найдем. Потому что... Ты знаешь сам, Силантий, что видели охотники. И в последнее время – все чаще и чаще. Они не выдумывают; во всяком случае, Серсошу с Никигором я верю. Если этих будет хотя бы пара десятков и они придут сюда, нам не отбиться одними стрелами и дротиками». Силадан тогда накричал на старейшину. Сказал, что даже слышать не хочет ни о какой «сталкерщине», что запрет наложен им раз и навсегда и что он касается всех, в том числе и его самого. Большой ли там уровень этой самой радиации, маленький ли – проверять это, пока он жив, никто не будет. Потому что подрывать свой авторитет он, Силадан, не позволит, а если хоть кто-то узнает, что мир за горами не кончается, – кончится и его авторитет, и сам он, как нойд. Потом он перестал кричать и добавил, что раньше люди вообще не знали металлов и вполне себе жили – и охотились, и жилища строили. Что же до разносимых охотниками слухов, будто они что-то там видели, то лично он в это не верит – наткнулись пару раз на медвежий след и раздули историю – у страха глаза велики. И сказал еще, чтобы Ародан передал Никигору Серсошем, что если они не перестанут сеять панику и сочинять байки и страшилки, то страшно станет им самим, и вовсе не из-за мифических чудовищ. И все-таки странно, что тогда Нанас не сумел сообразить, о чем идет речь, – понял лишь, что оказался прав, полагая, что мир не кончается за горами, а еще убедился, что Силадан и старейшины их обманывали. Но почему до него не дошло, куда и зачем собирался идти Ародан? Ведь мама не единожды ему рассказывала про Ловозеро и Ревду, про другие места, где раньше жили люди – и жили совсем по-другому, чем они сейчас. Наверное, причина крылась в том, что эти мамины воспоминания он принимал больше за сказки, легенды, – то, о чем она говорила, трудно было даже представить! Другое дело, когда он увидел это сам, тогда-то и щелкнуло в голове, тогда непонятные слова Ародана стали простыми и ясными. Ясно стало и то, чего так боялся Силадан. Конечно, кто же захочет жить в тесных темных вежах, если можно поселиться в просторных светлых коробах, где есть прекрасная посуда, металлические ножи и наверняка еще множество всяких чудесных вещей. И тогда уже впрямь мало кто захочет слушаться нойда, особенно когда все поймут, что он их обманывал.

Да, это понятно. Непонятными остались слова Силадана и старейшины о какой-то радиации... Ародан сказал, что жителей сыйта спасает от нее какой-то «минерал». Что это такое? Старейшина говорил о залежах. Залежи чего могут быть вообще? Так можно сказать о заготовленных на зиму припасах. Но они спасают от голода, а не от радиации... Что еще? Лес? Он тоже бывает поваленным, но это не называют залежами. Земля? Нет. Вода? Нет, конечно. Снег? Да, но это глупо. К тому же, он бывает не весь год. Может, камни? А ведь пожалуй, это ближе всего к правде! Камни лежат, иногда их лежит вместе так много, что вполне можно назвать это залежами. Да и слово минерал... Как-то оно очень уж хорошо подходит к камням.

Кстати! Нанас вспомнил про каменный оберег и тут же почувствовал, что тот по-прежнему теплый. А ведь раньше, в сыйте, он всегда был обычным камнем – нагревался лишь от тепла тела, но сам никогда не грел. Так-так-так, это уже ближе!.. Значит, в сыйте оберег не нагревался, потому что там нет этой самой радиации. А нет ее там, потому что там минерала, из которого и сделан оберег, очень много. То есть, эти залежи тоже, наверное, нагревались, но, поскольку камней в них огромная куча, каждому отдельному камешку приходилось нагреваться едва-едва – так, что это невозможно было почувствовать на ощупь. А здесь залежей минерала нет, а радиация, наоборот, имеется, поэтому камень, защищая от нее хозяина, и греется. И радиация эта – не что иное, как заклятие высших сил, о котором говорил небесный дух! Наверное, стоит наконец посмотреть на щелкающую волшебную коробку... Но юноше почему-то было страшно это делать – колдовство добрым быть не может, – и он быстро нашел повод, чтобы отложить изучение коробки: все равно, мол, сейчас темно и толком ничего разглядеть невозможно.

Нанас отложил в сторону готовый дротик, подбросил в костер дров и вытянул ноги к огню – от растаявшего снега на пимах намочла оленья шерсть, следовало их просушить.

Вернувшись к прерванным мыслям, он похвалил себя за сообразительность. Хорошо, в некоторых вещах теперь наступила какая-то ясность. Сначала люди – и не только саамы – жили по всей земле и дружили с духами, которые им помогали: строили уютные короба для жилья, давали металлические орудия, инструменты, хорошую посуду и много чего еще. Во всяком случае, добрые духи. Потом люди их чем-то разгневали – а они это умеют, – и духи их проклинали, наслав на людские головы смертельное колдовство – радиацию. Правда, почему-то не везде одинаково сильную. В то же время саамам духи дали от этой радиации защиту – минерал. И поэтому саамы оказались прикованными к одному месту, где этого минерала – залежи. Правда, можно носить камни с собой, как сам он сейчас, но почему-то Нанас был уверен, что от сильной радиации оберег все равно не спасет. Иначе небесный дух не стал бы давать ему волшебные малицы. Уж он-то знает, что к чему!.. Вроде бы все так, и все же что-то в собственных рассуждениях Нанаса не нравилось.

Стоп, ведь дух сказал ему, что люди и сейчас живут во многих местах. Значит, залежи минерала есть не только у саамов? Наверное, так. Но для чего духам понадобилось, чтобы люди жили отдельными кучками, далеко друг от друга? Может быть, чтобы, собравшись вместе, они опять не додумались до того, что когда-то уже разгневало духов? Интересно, до чего же такого они могли додуматься? Что вообще может рассердить духов? Пожалуй, только одно – если их перестают уважать и слушаться. То есть, возможно, люди просто перестали верить духам, как сам он перестал верить Силадану? Ведь нойд как раз и боится потерять свою власть над саамами, поэтому и держит их в одном месте... Но одно дело – старый саам, и совсем иное – духи, высшие силы. Как же им можно не верить, если именно они и создали все вокруг: небо, звезды, луну и солнце, землю и все, что на ней, да и самих людей, наконец? Это же полная глупость! Духов вполне можно понять. За это и впрямь нужно наказывать. Они еще пожалели людей, что выбрали столь легкое наказание.

Ну да ладно, с этим он более-менее разобрался. В разговоре старейшины с нойдом остались неясными только две вещи. Во-первых, «ружья» и «патроны», о которых говорил Ародан. Поскольку речь шла о защите от кого-то, скорее всего, это оружие, и наверняка очень хорошее. Это Нанасу было интересно. Ему бы очень хотелось посмотреть на эти ружья. Что они могут из себя представлять? Старые охотники как-то говорили, что неплохо было бы смастерить арбалеты. Это что-то наподобие луков, только более мощное. Но загвоздка была в том, что из арбалетов следовало стрелять специальными стрелами – охотники называли их болтами, – для которых требовался металл, которого как раз и не было. Так может быть, патроны – это и есть арбалеты, а ружья – болты?

Вторая загадка была куда как непонятней. От чего, а точнее – от кого собирался защищаться Ародан? Он упоминал о рассказах охотников, но сам Нанас подобных рассказов не слышал. Правда, с ним в последнее время не очень-то откровенничали, а часто и вовсе его сторонились, видя отношение к нему нойда. Ладно, про это пора бы забыть, а вот слова старейшины и Силадана – напротив, еще раз как следует вспомнить.

Ародан сказал: «Если этих будет хотя бы пара десятков и они придут сюда», то есть эти... непонятно кто – очень большие и сильные, раз их нужно так мало, чтобы победить три сотни людей. Ну, пускай сотню, если не считать стариков, детей и женщин. Силадан же говорил про какие-то следы и упоминал неких чудовищ...

Стоп! Нанас почувствовал, как ему, невзирая на тепло костра, вдруг сделалось зябко. Огромные следы!.. Ведь он их тоже видел сегодня! Наверняка и охотники высмотрели такие же...

Испуганно и подозрительно оглядываясь по сторонам, юноша собрал в охапку лапник и понес его под ель. Там он разложил его поудобней и улегся рядышком с Сейдом, плотно прижавшись к мягкому, теплему боку собаки и прислушиваясь к завыванию ветра.

Несмотря на страх, заснул Нанас сразу: слишком устал за этот бесконечно долгий, удивительный день. Ему ничего не снилось, спал он сладко и крепко, хотя уже под утро Сейд дважды будил его утробным, грозным ворчанием – пес наверняка почуял близости зверя. Нанас же, вслушавшись, оба раза ничего не услышал. Он вспомнил о лосиных следах и сказал псу:

– Прекрати рычать, дай поспать! Это сохатый, он нас не съест.

Сейд послушался, но сон хозяину он все равно уже перебил. Нанас поворочался еще немного на пахучем колком лапнике, увидел, что небо слегка посерело, и решил подниматься.

Он раздул едва тлеющие угли, побросал в кострище оставшийся сушняк, набил снегом котелок и повесил его над огнем. Для того, чтобы идти проверять силъя, было еще темновато, да и хотелось сначала взбодрить себя горячим чаем.

Вылез из-под ели Сейд. Встряхнулся, зевнул и вопросительно посмотрел на хозяина: ну что, мол, где заяц?

– Погоди, рано еще, – сказал Нанас. – Рассветет чуток – и пробегусь легохонько, гляну, что там у нас за улов. Могу пока рыбки вяленой дать. Хочешь?

Пес презрительно фыркнул и отвернулся.

– Ишь ты, еще и обижается! – покачал головой Нанас. – Я вот тоже могу обидеться за то, что ты меня будил среди ночи.

Сейд неожиданно резко повернулся и вперил в него немигающий желтый взгляд. Что-то нехорошее было в этом взгляде, пес словно предупреждал его об опасности, будто говорил, что не стал бы рычать среди ночи просто так, без причины. Нанасу вдруг стало очень неуютно, и он быстро отвел глаза.

– Ну, ну!.. Ладно... Может, ты и прав. Кто знает, какое тут зверье по ночам бродит, волки точно должны водиться, а может, и шатун из берлоги вылез. Не серчай. Сейчас-то все в порядке?

Сейд чуть опустил и склонил набок круглую голову. Короткие уши его встали торчком. Превратившись на какое-то время в камень, он скоро «оттаял» и глянул успокаивающим взглядом: все хорошо, дескать, можешь пить свой чай, пока не лопнешь.

Вода в котелке и впрямь уже закипела. Нанас покрошил туда остатки трутовника, а для аромата добавил горстку вырытых из-под снега жестких брусничных листочков.

Пока он пил чай, рассвело вполне достаточно, чтобы можно было идти за добычей. На то, что она будет, Нанас очень надеялся – в основном, чтобы покормить Сейда, сам-то он мог бы пожевать вяленую рыбу, а то и вовсе перетерпеть.

На всякий случай юноша взял с собой лук – если петли окажутся пустыми, можно попытаться что-то подстрелить, – и вырезанный вечером дротик – для защиты от хищников. Конечно, если и впрямь встретится на пути проснувшийся не вовремя, обозленный и голодный медведь, то дротик от него не спасет, тут уж надо удирать во всю прыть. А вот от пары-тройки волков вполне можно отбиться. Да и на душе спокойней, когда в руках оружие.

Бодро приминая снегоступами сугробы, Нанас двинулся вперед. И тут увидел, что позади бежит Сейд.

– Эй! А олени?

Пес раздраженно гавкнул. Это можно было понять и как «ничего с ними не сделается», и «я охотник, а не пастух», но все же в глубине души Нанас надеялся, что верный друг переживал за него больше, чем за оленей, и после того, что услышал ночью, не рискнул отпустить его одного.

За оленей, конечно, было тревожно, но все-таки он не стал прогонять Сейда назад. Проверить силуя недолго, да и обижать друга не хотелось. К тому же, будь поблизости опасность, пес бы ее учуял... Ведь учуял бы?

Еще не дойдя до первой петли, Нанас увидел в снегу свежий отчетливый след.

Пятипалый. Почти человеческий.

Только невообразимо огромный...

Глава 5

Кровавый знак

Сейд зарычал, и у Нанаса перехватило дыхание, а колени опять затряслись в своем трусливом танце. Первым его желанием было бежать. Развернуться и бежать без оглядки, потом запрячь нарты и мчаться, мчаться, мчаться так далеко, как только смогут олени. Ведь не может же оставившее след чудовище бежать быстрее их? Или может? Конечно, может, если это действительно дух... Но что духу надо от них?! Хотя, если это не дух, а просто невиданный зверь, чудовище, тогда тем более непонятно, что ему от них нужно. Почему-то Нанас был твердо уверен, что их преследует то самое существо, с которым им довелось столкнуться на болоте. Оно их догнало, но почему-то не стало нападать. Ведь это именно его учуял ночью Сейд! Казалось бы, чего проще – подойти и убить их спящих... Нет, не спящих, конечно, ведь Сейд проснулся и его разбудил, но... Все равно непонятно. Если кто-то за кем-то гонится, то, нагнав, должен схватить, убить, съесть.

Но догнать – и даже не подойти близко?..

«Погоди-ка, – подумал Нанас, но тут колени все же не выдержали и подогнулись, поэтому свою мысль он продолжил уже сидя в снегу. – А зачем ему подходить близко, если мы сами сейчас к нему в лапы придем? Ночью он слышал рычание пса и понял, что незаметно ему не подкрасться, что мы будем готовы к нападению. Сейчас же подготовился и спокойно ждет, когда мы попадемся в расставленную им ловушку».

– Сейд, назад! – вскочил он. – Бежим назад, дальше нельзя!

Однако пес не двинулся с места. Он опустил к следу нос, скорее, для порядка, поскольку наверняка и так уже чуял запах существа, затем поднял голову, медленно повел ею из стороны в сторону, приносясь и прислушиваясь, а потом коротко гавкнул и пошел вперед вдоль оставленных чудовищем глубоких вмятин в снегу.

– Куда ты? Назад! – в отчаянье крикнул Нанас.

Сейд обернулся и снова негромко гавкнул. Это следовало понимать как «да не трусь ты, он уже ушел!», но Нанас верить другу не спешил. Не могло существо просто так взять и уйти! Для чего ему было тогда вообще их догонять?

Сейд залаял громче. Он явно хотел, чтобы Нанас пошел за ним. Значит, что-то учуял впереди. Или... кого-то. Но пес совсем неглуп, чтобы сломя голову рваться в приготовленную западню. Однако и неведомое чудовище вряд ли было неразумным.

Нанасу отчетливо вспомнилось ощущение когтистой лапы, лезущей в мозг, и жуткое оцепенение, которое им тогда овладело. Силадан внушал им, что духи всемогущи, что они могут вселяться во что угодно – в дерево, камень, животное, в человека... И, если такое происходит с человеком, он становится одержимым, не может больше владеть своими желаниями и мыслями, не может управлять своим телом. А что, если Сейд... Если в Сейда...

Нанасу стало невероятно жутко. Он начал медленно пятиться, и пятился, пока снегоступ не зацепился за торчащий из-под снега пенек. Юноша с криком повалился в снег, будучи в полной уверенности, что неведомое существо схватило его за ногу. Продолжая вопить, он забарахтался, пытаясь перевернуться на живот, но лишь глубже зарывался в рыхлый снег.

Все повторилось почти как вчера, когда, испугавшись рухнувших с неба огненных нарт и упавшего в лес небесного духа, он так же валялся в снегу. Разве что тогда сразу не увидел ухватившегося за край малицы Сейда. Сейчас же он прекрасно узрел подбежавшего пса, вот только ужас от этого стал еще большим. Когда Сейд разинул клыкастую пасть, Нанас зажмурился. Теперь ему было ясно: дух из Нижнего мира вселился в собаку и сейчас его загрызет.

Однако грызть его дух почему-то не спешил, просто вытянул за рукав из сугроба. А потом начал лаять столь раздраженно, что Нанас почти явственно слышал то, что пытался передать ему этот лай: «Ты свихнулся окончательно! Ты похож сейчас на старую чокнутую Тынку, которая не ест рыбу, потому что боится, что та оживет у нее в животе! Я вообще не понимаю, как ты осмелился сбежать из сыйта!...»

Нанасу стало очень обидно. Не далее, как вчера днем он успокаивал пса, убеждал, что тот вовсе не трус, а теперь получает в ответ такую вот благодарность!

Он вскочил на ноги и притопнул снегоступом, подняв облачко снежной пыли.

– А ну заткнись, пустобрех! Что это ты себе позволяешь?! Нельзя уже хозяину прилечь, чуток отдохнуть?

«Отдохнуть?!... – прочиталось в морозковых глазах пса возмущенное недоумение. – А ор на весь лес тоже как-то относится к отдыху? А то, что при этом ты смотрел на меня, словно на ту же Тынку, которая лезет к тебе целоваться?»

Нанасу вновь стало стыдно. Но в то же время он почувствовал огромное облегчение: Сейд остался прежним, никто в него не вселялся.

– Ладно, все, – буркнул он. – Легохонько! Веди давай, показывай, что ты там учуял.

Сейд совсем по-человечески качнул головой и помчался вперед, вспарывая грудью сугробы. Вскоре неподалеку послышался его призывный лай. Нанас поправил сбитый с ноги снегоступ, подобрал дротик и лук и побрел по собачьему следу. Обогнув небольшую, поросшую кустарником ложбинку, он вышел на ровное место. Лес был здесь довольно редким, между невысокими кривоватыми березами имелось достаточно свободного места, чтобы видеть далеко вперед. Но далеко смотреть и не требовалось, Нанас заметил Сейда в паре десятков шагов от себя. Пес, как сперва показалось Нанасу, стоял возле большого бурого камня. Выглянувшее из-за низких облаков красное рассветное солнце разбросало вокруг сочные алые блики. Однако подойдя ближе, юноша сразу понял, что в алый цвет снег окрасило вовсе не солнце. Это была кровь – яркая, свежая, еще слегка «дымящая» в морозном утреннем воздухе. Да и камень оказался вовсе не камнем. Перед Нанасом лежал лось – здоровенный, матерый самец. Голова сохатого с мощными гребнями рогов была запрокинута, словно в момент смерти зверь хотел в последний раз увидеть солнце.

У лося был распорот живот, и вывалившиеся в снег внутренности исходили розовым в солнечном свете паром.

Подбежав вплотную, парень увидел, у сохатого вдобавок еще и была разодрана вся грудина. Это казалось невероятным: огромного зверя почти разорвали пополам, словно куропатку, которую собрались потрошить! Именно разорвали, а не разрезали – края длинной раны были неровными и лохматыми от обрывков волокон и жил. В воздухе стоял отчетливый запах свежего мяса и крови.

Сейд застыл рядом с тушей в напряженной позе. Его взгляд, устремленный на хозяина, излучал тревогу и опасение, но при этом в нем сквозила отчетливая мысль: «Все это, конечно, ужасно и странно, но не вздумай устраивать очередной отдых с воплями и барахтаньем в снегу!» Зарыться в снег и впрямь очень уж хотелось. Не стоило даже обращаться к мудрому нойду с просьбой погадать на костях или внутренностях (коих, кстати, имелось в избытке), чтобы узнать, кто сотворил это с несчастным животным. Вокруг туши сохатого снег был утоптан не только его копытами, но и знакомыми огромными лапами. Да и кто другой, кроме преследовавшего их чудища, смог бы так легко и безжалостно расправиться с рогатым лесным великаном!

И опять возникал все тот же вопрос: зачем?! За исключением кошмарной раны, тело сохатого было совершенно целым. Нанас отчетливо видел, что ужасный охотник даже не пытался полакомиться своей добычей. Убить лишь для того, чтобы убить? Это не укладывалось в сознании. Впрочем, поборов невольный приступ тошноты и приглядевшись внима-

тельней, Нанас заметил, что не все лежавшие в подтаявшем снегу внутренности лося были совершенно нетронутыми. Один из обрывков кишки тянулся дальше мощных задних ног лося и заканчивался неким большим кровавым сгустком с торчащей из него кривой палкой. Снова почувствовав знакомую дрожь в коленях, юноша все же пошел туда, предчувствуя уже, что увиденное его не обрадует. Но то, что он увидел, подойдя к концу кишки, хоть и выглядело тошнотворно, сначала его попросту озадачило. Кишкой было пару раз обмотано, словно привязано к ней, большое лосиное сердце, в которое была воткнута свежесломанная березовая ветка! Нанас долго стоял и недоуменно хлопал глазами. Понятно было, что загадочное существо сделало это не случайно, но и смысл содеянного до него никак не доходил. Может, у чудовища существовал некий ритуал, который тот таким зловещим образом и исполнил? Может, и само убийство было всего лишь ритуальным? Но ритуал ведь тоже совершается не просто так, а для чего-то. Для чего был предназначен этот? Или... для кого?.. Внезапно Нанас все понял. Это был не ритуал, а знак! Перед ним в растопленном под горячими внутренностями снегу лежало послание. И предназначалось оно ему, Нанасу! Протянувшаяся от лося кишка должна была означать оленью упряжь, сам лось был сейчас как бы его оленями. А сердце... Сердцем конечно же был он, Нанас. Березовая ветка могла изображать хорей, а могла говорить, что его ждет в недалеком будущем. Но почему именно сердце? Если чудовище считает его своим врагом, для его изображения оно могло бы выбрать менее благородный орган. Возможно, тут имелся более глубокий смысл. Будто невиданный, отвратительный враг предупреждал его: «Я поражу тебя в самое сердце!» Да, так оно, видимо, и было. Но все равно оставалось совершенно непонятным, почему это все происходит. Почему за ним гонится огромное чудовище?

От кошмарных мыслей Нанаса отвлекли показавшиеся ему совершенно неуместными сейчас чавкающие звуки. Он обернулся к туше и увидел, что Сейд, вгрызаясь в сочащуюся кровью мякоть лосиного мяса, выдирает и жадно глотает большие куски. От этого зрелища юношу чуть было не вывернуло наизнанку. Он уже собрался накричать не верного друга, но вовремя остановился, сообразив, что пес поступает правильно. Неизвестно еще, попалось ли что-то в силки, да и охотиться здесь и сейчас у него совсем не было желания. А Сейд конечно же голоден – что ему вчерашняя куропатка?

У самого Нанаса совершенно не было аппетита, более того, одна только мысль о еде вызвала новые рвотные позывы. Но если напрячь остатки скукожившегося от страха разума, можно было предположить, что рано или поздно он все же проголодается, и, вероятно, совсем уже скоро. Поэтому непростительной глупостью было бы не воспользоваться подвернувшимся случаем. К сожалению, всю тушу сохатого ему не унести, да и на нарты та никоим образом не поместится, но можно взять хотя бы что-то.

На всякий случай Нанас все же спросил увлеченного трапезой Сейда:

– Он далеко? Ты его точно не чуешь?

Пес издал в ответ полный сытого благодушия рык, который можно было понять однозначно: «Отвяжись и не валяй дурака – присоединяйся!»

Нанас вздохнул и, вынув из ножен подарок небесного духа, принялся вырезать из туши сохатого наиболее сочные куски.

В качестве мешка пришлось приспособить лосиный желудок, из которого он предварительно вытряхнул содержимое, едва удержавшись, чтобы не добавить к нему скудное содержимое своего собственного. Поскольку у него были еще лук и дротик, оружие пришлось нести в одной руке, а другой волочить за собой по снегу этот окровавленный «мешок». Проверять с такой неудобной ношей силъя он не стал, к тому же нужда в каких-то там зайцах теперь отпала, а запас жил для новых петель у него был достаточным. Впрочем, один из силков оказался по пути, и он к нему все же свернул. Зайца в нем не оказалось, но петлю Нанас все же свернул и сунул за пазуху. Вернувшись к месту ночлега и застав оленей живыми и

бодрыми, мирно щиплющими отрытый из-под снега ягель, он почувствовал большое облегчение, даже вгрызшийся в душу страх слегка отступил. Но аппетита это все равно не прибавило, а поскольку пес и олени позаботились о своем пропитании сами, тут Нанаса ничего более не задерживало. К тому же была робкая надежда, что если ехать достаточно быстро (Сейда он посадит с собой в кережу) и не делать остановок как можно дольше, то большего существа, какими бы длинными ни были его ноги, все же не сумеет догнать их очень уж скоро. Правда, в сознании все еще сидела противная мысль, что чудовище – это дух, а значит, как быстро от него не беги, все равно никуда не убежишь.

Но имелась и еще одна даже не мысль, а так, совсем уже слабенькая мыслишка, что «большеногий» – не просто какой-то там дух, а бывший хозяин его замечательного ножа. Быть может, он таким образом следит за исполнением своего повеления, а заодно тормозит Нанаса, не дает ему расслабиться? Что ж, это было бы самым меньшим из всех зол, ведь послушиваться воли небесного духа юноша в любом случае не собирался. Быстро собрав нехитрые пожитки в нарты и привязав «мешок» с мясом рядом с настоящим, красным мешком, Нанас забрался в кережу и «легохонько» потыкал хореем в олени.

Глава 6

Великаны или духи?

Заснеженная дорога, словно неправдоподобно ровная река, бежала и бежала вперед, среди лесов, болот и невысоких сопок. Нанасу, который еще два дня назад и не подозревал, насколько велик мир, сейчас он казался поистине бесконечным.

К середине дня распогодилось, солнце радужно искрилось в облачках снежной пыли, выбиваемой оленьими копытами. На снег, укрывший огромной белой шкурой окружающее великолепие, стало больно смотреть. Нанас затянул завязки капюшона так, что в нем осталось лишь маленькое отверстие для глаз, и все равно по щекам текли слезы, которые тут же прихватывало набегаящим потоком морозного воздуха. Ресницы и брови то и дело приходилось освобождать от наледи.

Но солнце, несмотря на это мелкое неудобство, подарило путнику главное: из его души улетучился страх. В ярком, радостном свете дня тревоги, одолевавшие его, стали казаться большей частью надуманными, а подстерегающие впереди трудности и опасности – вполне преодолимыми и даже увлекательными. В самом деле, ну преследовал его какой-то чокнутый зверь, ну нагнал на него жути, но ведь он этого зверя так ни разу и не увидел. Наверняка тот сам боится их с Сейдом, потому и сбегает всякий раз, как с ними встречается. Может, это всего лишь случайность, что их пути дважды пересеклись. А то, что чудище не тронуло задранного лося, тоже объяснимо – просто не успело, потому что помешали они. И кровавый знак, якобы оставленный Нанасу, – тоже всего лишь совпадение: существо нанизало сердце на ветку, чтобы удобней было лакомиться, а услышав лай Сейда, бросилось бежать и выронило его... И духом оно быть не может, потому что духи – высшие существа, у них много других, настоящих забот, чтобы терять время на подобные глупости. А небесному духу, если тот и впрямь хочет проследить, как Нанас выполняет его повеление, вовсе не обязательно носиться за ним по лесам и рвать на части животных – он и без того все прекрасно видит сверху.

Ну, а впереди... А что впереди? Там – все та же дорога, тот же лес, те же болота, озера и сопки. Все та же бесконечная белизна. Да, скоро сильнее станет заклятие духов – радиация, как называли его старейшина с нойдом. И что? У него есть оберег, у него есть заколдованная малица – шуба небесного духа. Даже две. Вторая – для девушки Нади, которую ему необходимо спасти. Ну и спасет, делов-то! И пусть даже эта девушка окажется не от мира сего – одержимой духами, колдуньей, или сама будет частью высших сил – ему-то что? Ему ведь не в жены ее брать! Доставит ее в сказочные Полярные Зори, вот там и найдет себе жену. И заживет так, что прежде и не снилось. Заведет свое стадо оленей в два, а то и в три десятка голов, построит большую, просторную вежу с огромными окнами, в которые вставит твердый воздух, как в коробах Ловозера (уж всяко тот в Полярных Зорях найдется), поставит рядом вежу поменьше – для Сейда, а потом, когда у них с женой появятся дети, он смастерит маленькие нарты, в которых малышей будет катать его верный добрый пес.

Нанас так размышлял, что не заметил, как задремал, и очнулся лишь оттого, что нарты перестали скользить, – он выронил хорей, и олени приняли это за сигнал к остановке.

Выбравшись из кережи, чтобы подобрать шест, Нанас развязал капюшон, да так и замер на месте, когда увидел, где очутился. Слева, чуть поодаль от дороги, тянулась серая каменная стена высотой в два его роста или чуть ниже. С первого взгляда было понятно, что возникла она не сама по себе. Стена эта состояла из ровных кусков, поставленных в ряд один возле другого, а в одном месте в ней был широкий разрыв. Его закрывали сразу две огромные двери – одной не хватило, чтобы загородить такой широкий пролом. На каждой

половине дверей было по одинаковому узору: раскинутые в разные стороны пять острых углов красного цвета. Нанас подошел ближе и дотронулся до рисунка. Он был выпуклым и, что удивительно, сделанным из металла! Но уже в следующее мгновение Нанасу пришлось удивляться еще больше: сами огромные двери тоже оказались металлическими. Трудно даже вообразить, сколько ножей и наконечников для стрел и дротиков можно было сделать хотя бы из одной их половины.

Двери были занесены снегом по самые остроугольные узоры, так что открыть их юноша даже не пытался. Тем более, что справа от них, в маленьком каменном коробе, прижмнувшись вплотную к стене, тоже оказались двери, правда обычные, деревянные, как в больших коробах Ловозера. Окна в маленьком коробе также имелись – одно рядом с дверью, второе смотрело на дорогу. Раньше в них тоже был вставлен твердый воздух, потому что кое-где по краям окон торчали его острые обломки.

Нанас подошел к маленькой двери и потянул за ручку. Неожиданно дверь, жалобно скрипнув, повалилась на него. Он успел отскочить, а потом прямо по упавшей двери вошел в образовавшийся проход. Тот был совсем коротким, на противоположном его конце тоже оказалась дверь, а еще одна виднелась в стене справа. Рядом с ней было небольшое окно, твердый воздух в котором уцелел, но оказался таким пыльным, что сквозь него Нанас ничего не смог разглядеть.

Но самое удивительное оказалось посередине прохода. Там стоял невысокий ровный столбик, из которого будто росли четыре загнутые ветки. Причем росли они странно – сразу снизу и сверху столбика, образуя четыре ровных дуги. И этот столбик с ветками полностью загораживал узкий проход. Однако Нанас уже твердо намерился перебраться к противоположной двери, наверняка ведущей на другую сторону длинной каменной стены, поэтому он подошел к столбику и собрался через него перелезть. Но едва он взялся за одну из веток, как, во-первых, тут же понял, что она тоже сделана из металла, а во-вторых, услышал противный скрежещущий звук, и... столбик повернулся, давая ему возможность пройти дальше.

Дверь, ведущая за стену, хоть и тоже отворилась со скрипом, но не упала. Нанас, глубоко вдохнув, вышел наружу, под яркое солнце, которое безмятежно и равнодушно продолжало светить с голубого, безоблачного неба.

Сначала ему показалось, что он вновь очутился в Ловозере. Прямо перед ним стоял большой серый короб с окнами в два ряда. Но, осмотревшись вокруг, юноша скоро понял, что это место, хоть и служило когда-то поселением людям, было все же гораздо меньше Ловозера. За серым коробом виднелся еще один, поменьше, с окнами всего в один ряд, еще один такой же – справа. Зато в отдалении, еще правее, виднелся очень темный серый короб аж с четырьмя рядами окон сразу. Правда, такой он был всего один. Еще Нанас увидел два небольших двухрядных короба и... все. Может быть, эти последние заслоняли собой еще какие-то, но вряд ли те были больше и уж точно – не выше.

Нанас подошел к ближнему, серому, коробу и, выйдя из-за угла на большую, занесенную снегом площадку, замер, раскрыв от изумления рот. Сначала ему бросился в глаза высокий черный столб, торчавший вдалеке за однорядным коробом. Он был раза в три выше самой высокой сосны или елки. От середины столба наклонно вниз шли ровные нити, хотя вблизи они, наверное, были вовсе не такими уж тонкими, как виделись отсюда.

Но столб все же был меньшим из двух диковин. Вторая поразила Нанаса так, что ему даже захотелось присесть. С той стороны, где кончалась стена, возле которой он стоял, с самого края заснеженной площадки, высилось нечто совершенно невообразимое...

Больше всего оно походило на серую, наклоненную влево и нацеленную прямо на солнце стрелу. У нее даже имелось оперение – и не только в хвосте, но и посередине, чуть меньшее. Но поразила его невероятный размер этой стрелы...

Она хоть и выглядела вдвое ниже черного столба, но зато была куда шире его, особенно в самом низу, откуда торчало ее гигантское оперение. Серый цвет стрелы показался Нанасу зловещим, нездешним. И вообще, от нее веяло таким смертельным холодом, такой жутью, что Нанас, опасаясь повернуться к громадной стреле спиной, попятился к углу короба, забормотав какие-то мельком подслушанные у нойда защитные заклинания.

Юркнув за угол, Нанас тут же развернулся и стремглав бросился к ведущему сквозь стену проходу.

Теперь, чуть ли не насильно усадив Сейда в кережу, Нанас гнал оленей вперед, совсем их не жалея. Ничего, отдохнут позже, главное сейчас – уехать подальше от этого зловещего места!

Ведь такую стрелу, что он увидел там, мог пускать только великан, которому и лось разорвать – пустяк, а ведь за ними как раз великан и гонится. Правда, она, пожалуй, великовата и для оставившего следы существа, но кто сказал, что существо всего одно? Может, их преследовал всего лишь детеныш, а его взрослые сородичи живут именно в том самом логове, где Нанас только что побывал? Это же надо – самому влезть в логово чудовищ!

В том, что чудовища обитали именно за серой каменной стеной, он уже не сомневался. Во-первых, стрела. Трудно вообразить, как бы ею смог пользоваться обычный человек. Во-вторых, высоченный черный столб. Для чего он мог понадобиться великанам, Нанас придумать не смог, но то, что людям он был бесполезен, это наверняка. В-третьих, огромные двойные двери в стене. Уж их-то для себя люди никак не стали бы ставить! Разве чтобы проезжать на нартах, но для нартов хватило бы и втрое меньших.

Оставались, правда, вопросы. Например, почему там были такие же короба, как и те, что он видел в Ловозере? Ведь они предназначались для людей, раз в них были маленькие, под рост человека, двери. Такие же, как и в ведущем сквозь стену проходе с крутящимся столбиком. Неужели люди жили рядом с чудовищами? Или великаны насильно держали их возле себя (для того и высокий забор), чтобы заставлять работать и забивать на мясо, как делали сами люди с теми же оленями. Но где, в таком случае, жили сами чудовища? Их гигантские вежи он бы увидел наверняка. Хотя, почему он решил, что великаны должны жить так же, как люди? Может, они рыли под землей огромные норы!.. Только Нанас успел подумать про гигантские вежи, как тут же увидел одну из них – вдалеке, справа от дороги. Она немного походила на человеческий короб, но выглядела все же по-иному. Взять хотя бы то, что она и впрямь была огромной – раза в три, а то и в четыре выше самого высокого короба, который он видел до этого. И еще у нее было совсем нехорошо с окнами. Они располагались и выглядели не так, как виденные прежде, а в дополнение в стенах этого жилища виднелись еще какие-то углубления и выступы, которые на человеческие окна походили совсем уже мало. Наконец, одна из стен имела небольшой наклон, что вообще делало увиденное непохожим ни на знакомые уже Нанасу короба, ни, тем более, на саамскую вежу. Такой дом определенно мог принадлежать только чудовищам! Путник бросил в сторону хорей, приказывая оленям остановиться. Те послушно сбавили ход и замерли, шумно выдыхая облачка морозного пара. Нанас тоже замер, судорожно размышляя, что делать дальше. И впереди, и позади были логова чудовищных великанов. Он не видел иного выхода, как делать большой крюк по лесу, объезжая их стороной. Но ехать по лесу на нартах – то еще удовольствие! Сколько он потратит на это времени, да и проедет ли вообще? Нанас в полной растерянности посмотрел на Сейда, пушистым серо-бурым комом свернувшегося в его ногах. Тот поднял плоскую морду и устремил на него внимательный взгляд. «Что? – говорили умные желтые глаза друга. – Тупик? Затруднение? Не знаешь, что делать? А с чего ты вообще взял, что эта штука впереди опасна для нас? Лично мне так вовсе не кажется. Подумаешь, большой кривой кусок камня! Ты что, никогда кривых камней не видел?»

Нанас сдвинул назад капюшон и почесал затылок. А правда, зачем сразу ударяться в панику? Да, ничего подобного он раньше не встречал. Но за эти два без малого дня он увидел столько не виданного ранее, что если бы все это было связано с большеногими существами, – им самим, его оленями и Сейдом давно бы уже полакомились эти многочисленные полчища великанов, оставив несъеденными разве что нарты, да еще хорей – поковыряться в зубах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.